

КОРОЛИ ФРАНЦУЗСКОГО ТРИллЕРА

МАКСИМ ШАТТАМ

18+

ЗОВ ПУСТОТЫ

ПРОДАНО БОЛЕЕ 7 000 000 КНИГ

Максим Шаттам
Зов пустоты
Серия «Короли
французского триллера»
Серия «Парижский отдел
расследований», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51642776

*Зов пустоты :
ISBN 978-5-17-115015-0*

Аннотация

Не успев оправиться от прошлого дела, лейтенант Парижского отдела жандармерии Лудивина Ванкер с головой окунается в новое расследование. На железнодорожных путях найден труп мужчины без ног и верхней части головы. Все попытки обнаружить ДНК убийцы на теле жертвы оборачиваются провалом – кто-то тщательно вымыл несчастного в хлорке, прежде чем положить его на рельсы. Расследование становится еще более запутанным, когда выясняется, что убитый несколько лет назад обратился в радикальный ислам.

Странные убийства продолжают. Некоторые из них несут на себе почерк кровожадного маньяка, другие похожи на религиозный ритуал. Кажется, у зла появилось новое обличье.

На этот раз Лудивине вместе со своими соратниками, в том числе и из органов контрразведки, предстоит вступить в неравный бой с организацией, чьи методы столь же ужасающи, сколь беспощадны.

Содержание

1	7
2	10
3	17
4	22
5	32
6	41
7	47
8	56
9	68
10	75
11	85
12	94
13	108
14	119
15	135
16	150
17	155
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Максим Шаттам

Зов пустоты

Как и всегда, я писал под музыку и потому советую читать этот роман под звуки таких альбомов:

– Саундтрек Марко Белтрами и Маркуса Грампа к фильму «Враг государства № 1: Легенда».

– Саундтрек Кристофа Лапинты и Фредерика Телье к фильму «Дело СК1».

– Саундтрек Питера Гэбриела к фильму «Последнее искушение Христа».

– Саундтрек Александра Деспла к фильму «Цель номер один».

Этот роман я посвящаю нашим силам правопорядка, нашим учителям и жертвам.

*Если я чем-то на тебя не похож, я этим вовсе не оскорбляю тебя, а, напротив, одаряю.
Антуан де Сент-Экзюпери, «Письмо заложнику»¹*

...у [него] в голове была щель, через которую туда проникла нечистая сила, и... она-то и прикончила его.

Редьярд Киплинг, «Рикша-призрак»²

© Бендет М., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

1

У этой девушки было все. Взять хотя бы внешность. В нашем обществе, в котором в первую очередь обращают внимание на внешний вид, она могла бы гордиться тем, что скорее красива. А если присмотреться, то даже очень красива. Фигура как у Барби, средний рост, волосы до плеч рассыпались непослушными прядями, свидетельствуя о мятежности духа их обладательницы. Чудные светлые глаза того оттенка голубого, которым природа окрашивает драгоценные камни. Высокие скулы слегка удлиняли лицо и подчеркивали линию щек, придавая внешности неуловимо славянскую изысканность. Полные губы цвета спелого розового грейпфрута словно стремились отвлечь взгляд от округлостей тела, выточенных регулярными занятиями спортом. Эта внешность словно была создана для соблазнения.

Но в категорию выше средней девушку переводил не только и не столько внешний блеск. Все дело было в том, как она себя держала, в исходившем от нее свечении: она излучала то, что принято называть сумасшедшим обаянием. Ее манера искоса наблюдать за людьми, то, как она улыбалась, не позволяя себе рассмеяться, то, как на щеках у нее вдруг показывались ямочки, выдававшие ее любопытство, плавные движения женщины, хорошо чувствующей себя в своем теле, пленительная сила, читавшаяся во взгляде, – все это

порождало необоримую ауру, которой природа одаряет избранных, словно покрывая их глянцевым лаком. Говоря по правде, даже небольшие физические недостатки, имевшиеся у этой девушки, так хорошо вписывались в общую картину, что превращались в трогательные особенности. Так, клыки у нее стояли чуть вкось – как раз настолько, чтобы сделать улыбку единственной в своем роде, – а вокруг губ виднелся коричневатый след от солнечного ожога, полученного далеким летом: напоминавший крупное родимое пятно, он был чем-то наподобие подписи художника на холсте.

Эта девушка не отличалась широким кругозором, но любила читать, что, наряду с изрядной долей любознательности, позволило ей собрать набор для выживания в интеллектуальной среде, где всякий демонстрирует явную склонность к бахвальству. По ее собственным словам, она обладала лишь весьма средним умом, – однако она гордилась умением делать верные выводы. Все, кто сталкивался с ней в профессиональной сфере, непременно отмечали и даже особо подчеркивали это ее свойство.

У этой девушки, безусловно, имелись и недостатки. Прежде всего издержки молодости, в первую очередь чрезмерная наивность; но кроме того, трагедии и травмы, с которыми ей пришлось столкнуться, подтолкнули ее в итоге к избыточной самозащите – вплоть до попыток благодаря занятиям спортом выковать себе физическую броню, отрезать себя от части переживаний, отгородиться стеной от собствен-

ных страхов. Однако в последнее время ей удалось преодолеть тревожность, смириться с тем, что она может страдать. Теперь она полной грудью вдыхала ароматную смесь из радости жизни, чувственности и глубокого понимания себя. Она наконец-то была готова к жизни.

Этой девушке было слегка за тридцать, она еще не знала ни замужества, ни материнства, зато добилась больших успехов в своем деле: коллеги считали ее кто чуть ли не гением, кто странным созданием с пугающим потенциалом в сферах, казавшихся им самим более чем туманными. Она вложила в работу всю себя, и это принесло результат: недавно она достигла той точки равновесия, оказавшись в которой человек осознает, что готов расти дальше. Иными словами, теперь она мечтала состояться в личной жизни, в любви и создать семью.

У этой девушки было все.

Все, кроме самого главного.

Сейчас у нее, запертой в темной клетушке и обездвиженной парами хлороформа, не оставалось никакой надежды на будущее – словно у мушки, бессильно бьющейся в паутине голодного паука.

2

Человек часто – и ошибочно – полагает, что мрак есть вещь в себе, хотя в действительности это просто отсутствие света. Мрак – это всего лишь нехватка, а если нам все же хочется думать, что он что-то воплощает, то это может быть одна только пустота.

Так, во всяком случае, размышляла молодая женщина, скорчившаяся в углу темной, глухой клетушки. Она подтянула ноги к груди, обхватила их руками, уткнулась подбородком в колени. Хотя ей не светил ни единый лучик света, она знала, что лицо у нее грязное, что на щеках и на лбу засохла земля, что ее тонкая, словно фарфоровая, кожа располосована черной пылью, чувствовала, как падают на плечи светлые пряди волос, потяжелевшие от запутавшейся в них земли, понимала, что ее красота словно растворяется в пустоте ожидания, в тревоге и тьме.

Она провела языком по губам и отметила тонкие трещинки – признак начинающегося обезвоживания. Она вздрогнула и решила списать это на счет холода. Кожу под хлопчатобумажной футболкой с длинными рукавами покрыли мурашки. Как ни удивительно, ей совсем не было страшно. По крайней мере, она не испытывала того глубокого ужаса, который грызет изнутри, парализует, сковывает по рукам и ногам в самый неподходящий момент, который высасывает из

человека всякую способность реагировать и связно мыслить, оставляя его безоружным перед лицом опасности. Она почти не двигалась – но лишь для того, чтобы сохранить силы и тепло, производимое ее телом и нагревающее тоненькую прослойку воздуха между одеждой и кожей. Это тепло сейчас было ее самым верным союзником, оно должно было помочь ей продержаться. Как долго? Она не знала, но готовилась к худшему. Ведь именно худшего она и ждала.

«Нет-нет, не говори так! – тут же осекла себя она. – Ты ничего не знаешь! Может быть, это... случайность! Совпадение. Да, вполне возможно, это всего лишь несчастное стечение обстоятельств, и все вскоре разрешится. Все наладится».

Но если она была так в этом уверена, отчего тогда с самого начала делала все, чтобы сберечь силы? Она словно готовилась бороться за жизнь.

Так велел ей инстинкт. С той самой минуты, когда она очнулась здесь, в этой комнатухе без окон, она знала, что что-то не так, – знала еще прежде, чем вспомнила, что случилось в последние мгновения до того, как она потеряла сознание, и кто на нее напал.

Чего он от нее хочет? Почему именно она? Первые же ответы, пришедшие ей на ум, словно обдали ее ледяным холодом – но она сразу прогнала их. Сейчас ей нельзя думать о том, что события будут развиваться по самому жуткому сценарию. Она действовала постепенно: заставила себя разобрать свои ощущения на составляющие, разложить их по ме-

стам и тем самым не дать себе нервничать, не позволить во-
ображению сорваться с цепи, не разрешить страху захлест-
нуть ее с головой. Она слишком хорошо знала страх, чтобы
выпустить его на свободу. Можно сказать, что однажды она
уже была его рабыней – и поклялась, что никогда больше не
станет ему подчиняться. Сейчас она могла доказать себе, что
не нарушит клятву. У нее были для этого душевные силы,
закалка и опыт. Все, что ей довелось пережить в жизни, под-
готовило ее к этому.

Для начала она оценила свое физическое состояние. В це-
лом все неплохо. Нет ни ран, ни серьезных повреждений,
только резкая боль в черепе, словно что-то стучит позади
глаз: это из-за хлороформа, которым он ее усыпил. У нее
всего пара неглубоких царапин. Она не знала, изнасиловал
ли он ее – но знала, что не испытывает боли, что джинсы и
трусики сидят как обычно, она их вообще не чувствует. Вряд
ли он сумел бы так ловко ее раздеть, а затем снова одеть. Нет,
ничего такого не было.

Пока не было.

«Прекрати! Немедленно прекрати. Хватит этих дурацких
мыслей. Ты ничего не знаешь. У тебя нет оснований так ду-
мать, нет доказательств. Может, это совпадение... Нелепое
совпадение...»

Девушка попыталась пошевелиться, насколько это бы-
ло возможно. У нее хрустели суставы, судорогой свело все
мышцы. Как давно она провела в темноте? Часов десять?

Двадцать? Она проголодалась, но не слишком, и потому решила, что, вероятнее всего, прошла только ночь. Возможно, сейчас еще утро. Если только чувства ее не обманывают. Сколько времени понадобится ее коллегам (*ну, или реально: окружению*), чтобы понять, что она пропала? Двадцать четыре часа. Около того.

«А потом? Как они меня найдут?»

Она подвигала затекшей челюстью и вытянула руки так сильно, что путы на запястьях впились в кожу. Она быстро поняла, что не сумеет высвободить руки – пластиковый хомут был слишком крепким, его затянули так сильно, что ладони словно приклеились друг к другу. Все вокруг тоже не внушало ей никакого оптимизма. Нигде ни единого лучика света. Ее или замуровали где-то глубоко под землей, в подполе, или бросили в абсолютно герметичную камеру. В любом случае она понимала, что кричать бесполезно – ее никто не услышит, по крайней мере, никто, кто мог бы помочь.

Что с ней теперь будет? Почему она здесь оказалась? Думать, что все закончится хорошо, слишком наивно: хотя она и признавала за собой множество недостатков, простодушия среди них точно не было. Больше не было.

Никто не стал бы так рисковать, не разработал бы столь тщательный план, если бы не ставил перед собой четкую цель, не имел серьезных, зловещих мотивов. Не стоит закрывать глаза на правду. Рано или поздно дверь отворится и случится нечто ужасное.

Лудивина Ванкер заглушила рыдания, поднимавшиеся из глубины горла. Она продержалась все это время не для того, чтобы теперь сломаться. Этого она не допустит. Она работала в Отделе расследований парижской жандармерии, сталкивалась с самыми жуткими извращенцами, живущими на территории Франции, а порой даже за ее пределами, великолепно стреляла из табельного оружия, в рукопашном бою регулярно отправляла в нокаут парней в два, а то и в три раза крупнее, чем она сама, бегала по несколько раз в неделю, чтобы стать еще выносливее: после всего, что выпало на ее долю, ее дух был крепче, чем закаленная сталь. Нет, она не даст себе сломаться. Не сейчас. Она не может себе этого позволить.

И все же, несмотря на яростные усилия сдерживать слезы, она почувствовала, как они потекли у нее по щекам. Лудивина ничего не могла с этим поделать. Она долго пряталась за непроницаемой броней, не позволяла себе никаких проявлений чувств, но недавно все же решила сорвать с себя эту вторую кожу, признать, что это была лишь маска, открыться миру и эмоциям. Постепенно она научилась быть обыкновенной женщиной своего возраста и отдаваться во власть сладкой эйфории, которую дарят простые радости жизни. Ей нравилась та, в кого она превратилась. Тридцатилетняя женщина, у которой есть все. Все это не могло просто так исчезнуть.

Страх медленно проламывал панцирь ее сопротивления.

Лудивина злилась на себя за это. Раньше она смогла бы контролировать этот страх, возможно, даже сумела бы превратить его в энергию. Но так было раньше, когда она была воином, когда ей нечего было терять, когда она думала только о результате, не считаясь с собственными чувствами. Она прокляла свои надежды на счастье – ведь сейчас именно они дали дорогу страху. Да, однажды она уже вступила в бой со своими демонами, однажды она их уже одолела. Она победила всех призраков, которых привела за собой из Валь-Сегон, которых извлекла из мрачных подвалов клиники в Сен-Мартен-дю-Тертр³: она повалила их на землю и досконально изучила, чтобы лучше узнать саму себя, чтобы выйти из этих испытаний сильной, чтобы ощутить доселе незнакомое ей желание жить. В последнее время она чувствовала себя невероятно живой.

Но мрак был с ней так долго, что во многом лег в основание обретенного ею душевного равновесия: Лудивина почувствовала, что, возможно, была не права. Мрак – не просто свидетельство пустоты, подтверждение отсутствия: нет, у него есть своя собственная структура, материя. Собственная вполне реальная плоть. Мрак – это антиматерия, черная субстанция, заполняющая космос, ужас, придающий глубину нашей внутренней жизни. Более того, он – фактическое подтверждение того, что наш мир, по сути, плох, что на са-

³ См. романы того же автора «Первобытное зло» и «Терпения дьявола». – *Прим. автора.*

мой границе нашего поля зрения существует пятно, всегда готовое нас поглотить и выпустить страх на волю.

Лудивина ошиблась.

Мрак существовал. И не только в голове самых жутких чудовищ. Мрак поглотил ее, и теперь она сама едва держалась на плаву в его гнилостных внутренностях.

3

Врать, чтобы успокоить себя. Не признавать очевидное. Защищать себя как можно дольше. Но как долго? Пока не убежишь от реальности? Пока не соорудишь для себя шоры толщиной со стену, пока отрицание не станет безумием?

Лудивина осторожно помотала головой в темноте.

Это не совпадение. Ее бросил в эту дыру не просто какой-то проходивший мимо психопат. Это не случайность – только не сейчас. Не после всех событий последних недель. Особенно если учесть, чем он стянул ей запястья, если вспомнить, *что* она успела заметить, прежде чем он ее усыпил.

Она закрыла глаза. Ничего не изменилось – кроме ощущения, что она еще чуть глубже погрузилась в себя. Но по крайней мере эта тьма принадлежала лишь ей одной.

Почему он не пришел поговорить с ней? Почему не слышно голосов, вообще ни единого звука, пусть даже где-то вдали?

«Меня похоронили заживо. Засыпали трехметровым слоем земли. Никто меня здесь не отыщет, и я умру от жажды, от голода и холода, но еще раньше – от удушья».

Следователь изо всех сил впиалась ногтями себе в ладони и скривилась от сильной боли. Когда она сбросила маску неуязвимой амазонки, это пошло ей не только на пользу.

Она явно поглупела. Не стоило так рассуждать. Нельзя сдаваться, воображать худшее. Да, она оказалась в крошечной камерке с земляными стенами – но не в могиле. Даже если она сейчас сидит глубоко под землей, это не значит, что сюда не поступает воздух. С тех пор, как она очнулась, прошло несколько часов, но дышит она все так же свободно. Несмотря на тесноту, в камерке не становится теплее, наоборот, а значит, воздух в ней и правда циркулирует. Первая хорошая новость.

Лудивина начала примиряться с очевидным.

«Это тот же человек. У меня мало времени. Совсем мало...»

Она невольно сжала ягодицы, вновь подумав о *ней* и о том, в каком виде она и ее коллеги-следователи находили его жертв. Она хорошо знала это дело, и неспроста...

У нее горели запястья, путы словно огнем жгли кожу.

Ей нужно выбраться отсюда. Бросить все силы на то, чтобы найти способ сбежать.

Лудивина откинула голову назад, ударилась затылком о рыхлую землю. Холодные крошки посыпались ей за воротник, вдоль позвоночника, и она вздрогнула.

Это точно *он*. Признав это, она снова могла ясно мыслить.

Ей нельзя здесь оставаться. Она слишком много знает. В гневе она сжала зубы, выдохнула все переполняющее ее отчаяние, постаралась сдержать подступающие слезы.

Стадия шока осталась позади. Как и отрицание, и попытка

укрыться за собственным бредом. Теперь она могла сосредоточиться на текущем моменте, учесть обстоятельства, место, свои ощущения. Ей нужно было подготовиться к защите, потому что она знала. Знала, что будет дальше, но главное – кто ее похитил. И, пожалуй, даже почему.

Ее похитил извращенец самой опасной породы. Безжалостный. Совершенно не склонный к переменам настроения. Для него она была лишь инструментом, который он собирался использовать для собственных целей – предметом, не более. Он не видел в ней ничего человеческого. Ничего, кроме ее половых органов, и то лишь потому, что планировал ими воспользоваться. Как вести себя с таким чудовищем?

«На этот вопрос точно есть ответ. Да, он не способен на эмпатию, но он остается человеком, он состоит из эмоций, пусть и крайне ограниченных, из брони, из фантазий, из слабостей. Как раз там и нужно искать вход».

Вот что нужно сделать: найти входную дверь в его бункер – последние крохи человечности, запрятанные в самой глубине, среди его страданий и отклонений. Нужно найти способ обойти его привычные схемы, выдернуть его из рутины извращений.

Но что она о нем знает? И как найти трещину, в которую она сумела бы незаметно протиснуться? И сколько у нее осталось времени?

«Он придет. Скоро. Он потащит меня куда-то, чтобы

мною воспользоваться. Все произойдет быстро, у меня почти не будет времени, чтобы что-то сделать. Импровизировать нельзя, я должна буду заранее знать, что сказать, чтобы заставить этого хищника забыть свои повадки, отклониться от привычной схемы и выпустить наружу остатки того человеческого, что в нем еще сохранилось. Мне нужно придумать что-то, что привлечет его внимание, вынудит его услышать меня».

А что потом? Одних слов не хватит, чтобы удержать его на расстоянии и уж тем более чтобы убедить его отпустить ее! Это ненасытный хищник, наконец-то добравшийся до добычи, способной утолить его голод. Шансов на спасение у Лудивины не больше, чем у мыши, пытающейся договориться с оголодавшей змеей.

«Подготовиться. Действовать. Методично. Вот что нужно делать».

А дальше видно будет.

В первую очередь надо составить психологический портрет психопата. У Лудивины Ванкер страсть к этой работе была в крови: вот почему она знала, что убийство часто представляет собой проекцию душевного состояния на конкретный момент времени. Это тем более верно в случае с серийным преступником, действующим по собственной извращенной схеме. Но она умела скрупулезно разбирать преступления и расшифровывать язык крови. Да, Лудивина могла продвинуться по этому пути очень далеко.

Возможно, у нее все-таки есть небольшая надежда. Остывающая головешка, все еще способная немного согреть и слегка отогнать темноту.

Она уцепилась за эту мысль.

«Что я знаю о нем? О его первом преступлении?»

Не о самом первом, а о том, из-за которого мы встретились. Вот откуда надо начинать. С дня нашего знакомства».

Это случилось в пятницу. Лудивина помнила все до мельчайших подробностей.

Никто не сумел бы забыть такое.

4

В первой половине осени погода оставалась совсемлетней, холода наступали нерешительно, лениво. Температура менялась безо всякой логики, словно циклоны никак не могли отпереть замок и вырваться на свободу. Порой они все-таки выбирались наружу, но к выходным их снова сменяло почти весеннее тепло. Природа будто бы растерялась от такого непостоянства и отказывалась раздеваться, готовясь к зиме. Она лишь снизошла до осенней моды и нарядилась в теплые цвета: все вокруг стало коричневым, желтым, красным.

Когда хаос, охвативший страну в мае⁴, немного забылся, Франция постепенно успокоилась. Лето выдалось особенно мягким и тихим, словно все вокруг еще не пришли в себя от пережитых потрясений. Помня о роли, которую Лудивина сыграла в расследовании, о том, как она совершенно не заботилась о собственной безопасности, начальство отправило ее в трехмесячный отпуск. Три долгих месяца без работы. Лудивина сумела провести их с толком. На июнь и июль она уехала в горы, в дом своего наставника Ришара Микелиса, где он жил со всей семьей. Лудивина прониклась нежностью к его детям, Саше и Луи, а Ана приняла ее у себя слов-

⁴ См. роман «Терпение дьявола». – *Прим. автора.*

но младшую сестру, которую срочно требовалось утешить и поддержать после серьезной передраги. Это было странное, но очень полезное для нее время. Ришар Микелис по праву считался одним из величайших специалистов по составлению психологических портретов преступников. Это был гениальный криминалист – знаток своего дела и человек исключительных личных качеств. Но на своем профессиональном пути он повидал столько ужасов, что решил отдалиться от дел. Теперь он жил в Альпах, посвятив себя заботам о семье: он словно хотел напиться жизнью после того, как бесконечно сталкивался со смертью. Лудивина много наблюдала за ним в его альпийском уединении. Ее потрясли его стремление не упустить ни минуты из жизни детей, его чувство к жене, порой столь трогательное, словно первая любовь. За эти два месяца она сто раз прокрутила в голове события последних двух лет: она размышляла о том, кем стала, разбирала по косточкам собственные страхи. Дни напролет она гуляла по альпийским лугам, наслаждалась головокружительными, потрясающими видами и перебирала свои слабости.

Отпуск в Альпах пошел ей на пользу. Микелисы помогли ей разломать собственную броню, открыться жизни. Она ничего не делала специально, просто пришло время: словно материя, покрывавшая ее, защищавшая ее, но вместе с тем душившая, имела срок годности, словно она изнасилась от свежего горного воздуха, от жизни с этой семьей. Любовь оказалась сильнее прицельного удара по ее давно растрес-

кавшейся броне.

В начале июля Лудивина на несколько дней вернулась в Париж, чтобы повидать Сеньона и Летицию, медленно оправлявшуюся от полученных ран. После всего пережитого Летиция сначала решительно потребовала от мужа, чтобы тот сменил профессию или хотя бы ушел из Отдела расследований жандармерии. Но, постепенно осознав, что ей удалось спасти жизнь тридцати детей, в том числе и своих собственных, Летиция передумала и стала поддерживать Сеньона. Защищать невинных, не давать мерзавцам причинять вред другим людям – в этом он был по-настоящему хорош, и дело это было необычайно важным: слишком важным для того, чтобы бросить его из страха и эгоизма. Спустя несколько недель, благодаря помощи терапевта, Летиция сумела оправиться от посттравматического стресса, наконец ощутить себя героиней, не жертвой. Это был способ выжить, выдержать.

Считать себя не добычей, а искалеченным воином. Лудивина отпраздновала свой день рождения с Сеньоном, Летицией и со своим спасителем, Гильемом Чинем, которому за несколько месяцев до этого удалось вытащить ее из переделки в подвале заброшенной больницы.

Потом была свадьба Гильема и Мод. Праздник получился незабываемый, Лудивина уже давно не смеялась так много и так искренне. Рассвет следующего дня она встретила, сидя на каменной стене перед уходящим за горизонт полем ла-

ванды, между Магали, их коллегой из Отдела расследований, и Сеньоном, на плече которого спала Летиция. Трое жандармов в измятой и перепачканной праздничной одежде, устало улыбаясь, передавали друг другу бутылку шампанского и пили прямо из горлышка. То был самый длинный и самый прекрасный день лета.

После той свадьбы Лудивина вернулась обратно к Микелисам и провела еще несколько недель в их доме, под защитой гор. Она чувствовала, что в ней что-то меняется, появляется хрупкость, и это ее пугало. Ей все еще нужно было чувствовать любовь этой семьи, доброту, которой они ее окружили.

В тот период они с Ришаром мало говорили о деле – только когда разговор заводила сама Лудивина. Ее наставник выслушивал ее, словно психотерапевт, направлял беседу в нужное русло, помогал ей выразить словами то, что она прятала в самой глубине себя: страх, который она испытала, или – даже хуже – отсутствие страха. Чтобы пережить все то, что выпало на ее долю за последние два года, Лудивина запретила себе реагировать на внешние раздражители, превратилась в боевую машину. И теперь ее пугала мысль о том, чтобы вновь начать чувствовать, стать ранимой, сполна ощутить желание жить, – но она понимала, что без этого она не сможет развиваться как женщина.

Она вернулась в Париж в августе, решив вложить все свои сбережения – в основном полученное ею наследство – в по-

купку дома на одной из тихих улочек Пантена. Она оформила ипотеку на двадцать лет: это был ее способ признать, что она решила жить – хотя бы для того, чтобы выплатить долги. К тому же теперь она могла съехать со служебной квартиры, порвать с военными порядками, сделать перерыв. Ей нужно было собственное пространство.

Дом был слишком большим, но она сразу влюбилась в его своеобразие, которое нельзя было не оценить. Раньше здесь находилась шоколадная фабрика: стены из красного кирпича оттеняла широкая лестница из кованого железа, располагавшаяся в центре основного помещения – лофта; изящные колонны из коричневой стали упирались в металлические потолочные перекрытия. Вдоль всего дома шла красивая терраса с видом на пышно разросшийся сад, где клумбы, разделенные едва заметными среди растений дорожками, пестрели розами, геранью, георгинами и другими цветами. Лудивина полюбила этот запущенный сад, в чем-то похожий на нее саму, и пообещала себе ухаживать за ним, не дать цветам завянуть.

Во второй половине августа ее вызвал полковник Жиан: он предложил ей мало-помалу возвращаться к работе. Ее решили никак не наказывать и даже не ограничивать, а главное – не стали переводить в другой отдел. Да, она пошла на риск, но сумела задержать незаурядного преступника. Учитывая ее впечатляющий послужной список, полковник счел,

что положительной психологической характеристики достаточно для того, чтобы она вернулась на свою должность, к тем же обязанностям, вновь получила прежнее звание и свое табельное оружие.

Сентябрь и октябрь прошли спокойно – даже слишком. На какое-то время ее заняло дело по мошенничеству со страховой в семьдесят седьмом департаменте: подстроенный пожар повлек серьезные убытки. Кроме того, она помогала коллегам в работе по нескольким небольшим делам. Вечера она в основном проводила с Магали и Франком: они были такими же близкими друзьями, как Лудивина с Сеньоном. Франк как раз разводился и сильно переживал по этому поводу. Порой Лудивина после работы ходила в кино, листала скучные журналы, а когда ею овладевала апатия, просто овощем лежала на диване перед телевизором. Она куда меньше выкладывалась на занятиях боевыми искусствами, реже бывала в тире и постепенно превращалась из воительницы в обычную женщину. Она заставляла себя бегать несколько раз в неделю, чтобы оставаться в форме и сжигать излишки жира – она не отказывала себе в удовольствии вкусно поесть. Пожалуй, теперь это был ее единственный способ как-то себя дисциплинировать.

Подходила к концу последняя неделя ноября. Лудивина вернулась домой около семи вечера, медленно поднялась на второй этаж, в ванной стянула джинсы и оставила их лежать на линолеуме, затем влезла в удобные хлопковые пижамные

штаны. Бросив свитер и бюстгальтер на край ванны, она натянула толстовку из мягкой, как кожа младенца, ткани – сперебри черными буквами было написано «Femme fatale»⁵. В случае с Лудивиной эта надпись была вполне правдивой. Если бы только окружающие знали, что она пережила и что делала в последние пару лет...

Затем она спустилась в кухню, слишком большую для одинокой женщины, задумалась, что бы приготовить на ужин, но быстро сдалась и заказала суши.

Лудивина почти гордилась тем, как оформила первый этаж своего дома. Наполненный книгами шкаф придавал гигантскому помещению уютный вид. Правда, после работы у нее совершенно не оставалось ни сил, ни времени, так что читала она теперь совсем не так много, как прежде. Ее книги напоминали трофеи, завоеванные в борьбе с невежеством, – но, к ее огромному стыду, давно покрывшиеся пылью... Надо снова взяться за чтение, снова погрузиться в теплое забытьё, которое дарит увлекательная книга.

Зато камин был полностью готов к использованию – одной искры хватило бы, чтобы разжечь поленья и нагреть комнату. На каминной полке стояли в рамочках семейные фотографии и несколько снимков коллег из Отдела расследований. На одном из снимков Лудивина стояла рядом с Сеньоном и еще одним весьма симпатичным парнем лет тридцати. С Алексисом.

⁵ Роковая женщина (*фр.*).

Месяц назад Лудивина принесла цветы на его могилу: со дня его гибели прошло уже два года. Очень скоро, в день его рождения, она вернется на кладбище. Она чувствовала, что обязана так поступать. Это был ее долг перед товарищем, любовником. Перед тем, кто оказался жертвой.

На стенах в лофте висели старательно отобранные картины. Многоцветное рельефное изображение Парижа в стиле 3D-поп-арт работы Фаззино дополнило другую его работу, с видом Манхэттена, которая висела у Лудивины уже давно. Стену напротив, самую широкую в доме, закрывал большой американский флаг, изорванный за долгие годы службы ветрами и песком штата Нью-Мексико. Лудивина заплатила за флаг целое состояние, но он напоминал ей о том, как она, двадцатилетняя, ездила в США. Когда она рассматривала его выцветшую ткань, его оборванные края, комната словно наполнялась духом тех колдовских краев, легендами о ковбоях. Порой ей даже казалось, что она слышит зов труб и крики индейцев.

Паркет из широких досок черного дерева, положенный между колоннами из кованного железа, то тут, то там покрывали толстые ковры. Лудивина выбрала для дома потемневшую от времени мебель в сероватых, словно свинцовых тонах. Ее убежище полностью соответствовало ее новому внутреннему состоянию. За последние несколько месяцев она стала спокойнее и хотела, чтобы и дом тоже дарил ей спокойствие. Обстановка должна была соответствовать ей самой

– пусть даже на втором этаже до сих пор стояли неразобранные коробки, а многое в доме еще нужно было перекрасить, переделать. Она до сих пор так и не взялась за ремонт собственной спальни – там все еще гуляли ледяные сквозняки, – и совершенно не понимала, почему ей не хочется этим заниматься. Но в целом работы в доме шли, и она верила, что у нее все получится.

На улице затрещал мопед курьера, привезшего суши, но звук мотора приглушили разросшиеся кусты и цветы. Она проглотила сырую рыбу, сидя по-турецки на угловом диване.

Лудивина отдыхала, развалившись под уютным пледом и даже не глядя на экран включенного телевизора, целиком отдавшись на волю собственных мыслей, когда вдруг зазвонил телефон. Сначала она решила не отвечать – пусть себе заливается, но вспомнила, что дежурит все выходные, и для очистки совести взглянула на номер на экране айфона.

Жандармерия. Тяжело вздохнув, она ответила на звонок.

– Прости, что порчу тебе вечер, – послышался мягкий голос Гильема, – но мы тут нужны.

– Срочно?

– На путях, на линии D, недалеко от Эври, нашли труп.

– Почему нельзя отправить туда местных полицейских?

Или спецотряд?

– Потому, что мне рассказали все подробности. Я заеду за тобой через десять минут. Надень джинсы и куртку потеплее, ночь будет длинной.

Вот так все и началось. Очень просто.

Холодная луна безразлично глядела на южные предместья Парижа. Ухабистая дорога, выбоины, заполненные жидкой грязью, коричневатая хилая поросль вдоль обочин, редкие деревца на краю земляного склона, круто спускающегося к проложенному в овраге полотну железной дороги. Лишь расцвеченные огнями верхушки далеких высоток говорили о том, что в расположенных отсюда на значительном расстоянии пригородах все же есть жизнь. Кроме крошечных огней, видны были лишь шумозащитные экраны, дорожная развязка, пустырь, выходящий к пустой парковке у супермаркета, и бесконечная череда крыш домов, словно отвернувшихся от этого ничем не приметного места.

Лудивина вылезла из машины вслед за Гильемом, протиснулась между фургонами жандармов и пожарными автомобилями, сирены которых заливали все вокруг красным и синим светом. Вдали неустанно шумело шоссе – неутомимый пульс цивилизации.

Следователи подошли к обрыву по полю, заросшему высокой травой, и замерли, разглядывая происходящее метрах в пятнадцати ниже. Съехавшиеся эксперты, по большей части в форме, осторожно спускались по крутому склону. Железная дорога здесь шла по дну оврага: четыре параллельных рельса, над ними – кабели высокого напряжения. Лучи пе-

реносных, расставленных тут и там прожекторов выхватывали из полутьмы зону длиной более двадцати метров и шириной с весь балластный слой: эта зона была освещена ярко, словно хирургический стол в операционной. Лудивина догадалась, что прожекторы направлены только на этот участок, поскольку оборудования не хватило: поодаль она заметила отдельные силуэты людей, осматривавших железнодорожные пути в ярких лучах ручных фонарей. Затем совсем рядом она увидела на рельсах последний вагон поезда. Во всем составе было совершенно темно, словно его давно бросили: у гигантского пустого стального червя горели в темноте лишь два красных глаза.

Внизу, прямо у них под ногами, сложив руки на груди или сунув их в карманы, стояли пожарные. Жандармы заканчивали огораживать периметр безопасности, внутрь которого не пускали никого – даже двух мужчин в белой форме работников скорой помощи.

Лудивине вдруг показалось, что она вернулась на два года назад, на вокзал, где тот умалишенный столкнул под поезда столько людей, сколько смог. Поворотный момент в ее карьере, в ее жизни – как следователя и как женщины. Моргнув, она прогнала это воспоминание. Здесь и сейчас она занималась совершенно другим делом.

Девушка спустилась по склону, стараясь не поскользнуться, но все же один раз чуть не потеряла равновесие. Оказавшись внизу, она в сопровождении Гильема протиснулась че-

рез группу пожарных и остановилась перед жандармом в звании лейтенанта. Ей не хотелось болтать попусту, и она сразу предъявила ему свое удостоверение – гражданская одежда ничего не могла сообщить ему ни о ее звании, ни о должности, – а так ей даже не пришлось представляться.

– Вы занимаетесь наркотиками в Отделе расследований? – спросил он.

– У нас это называется Бригадой по борьбе с наркотиками, и нет, просто мы сегодня дежури́м. Если надо будет, они нас сменя́т.

– Теперь вы ведете дело?

– Зависит от того, что у вас там.

Он пристально взглянул на нее, а затем указал на ярко освещенное пространство неподалеку.

– Три бруска каннабиса, а главное – большая упаковка странных пакетиков, но я в этом не разбираюсь. Я сразу же вызвал вас, решил, вдруг у нас тут клиент Бригады по борьбе с наркотиками.

– Вы вызвали ЭКО⁶? – спросил Гильем.

– Да, они будут с минуты на минуту.

У лейтенанта, мужчины лет тридцати, с вытянутым, довольно строгим лицом, был очень живой взгляд. Хороший знак, подумала Лудивина, может, они не зря приехали.

– Мы их подождем, не станем зря топтаться на месте преступления, – решила следователь. – Как вас зовут?

⁶ Экспертно-криминалистический отдел.

– Лейтенант Пикар.

– Вы хорошо поработали.

Вскоре показался фургон ЭКО. Один из криминалистов узнал Лудивину, с которой уже сталкивался на нескольких делах, и она этим воспользовалась:

– У вас найдутся для нас костюмы? Не хочу терять времени. Я бы взглянула, что там.

Тот на миг замер, но затем указал ей на ящики в кузове заставленного оборудованием фургона. За пару минут Лудивина и Гильем облачились в белые комбинезоны с капюшонами, маски, перчатки и бахилы.

Лудивина вступила в прямоугольник, вычерченный лучами прожекторов, и тут же увидела темно-красные потеки на шпалах, а затем и фрагменты тела. Они были разных размеров, из некоторых торчал кусок сломанной кости, на других виднелись лохмотья кожи, но в основном это были просто багровые ошметки. Влажные лоскуты смерти. Лудивина отметила для себя, что по мере удаления от поезда фрагментов становилось все больше. Она сделала глубокий вдох. Ей больше не хотелось смотреть. Совсем не хотелось. Она бы с таким удовольствием осталась дома и провела вечер на диване, в уюте и спокойствии. Она проклинала случай, по воле которого ей выпало дежурить именно сегодня.

Она подняла глаза, оглядела уходящие вдаль рельсы и всего в нескольких метрах от себя обнаружила мужчину, лежащего на боку между двух путей. У него отсутствовали ноги

ниже колен и часть головы, начиная с верхней челюсти, – забрызганная кровью, нижняя челюсть нелепо свисала к земле. Оглядевшись, Лудивина заметила стоящий в стороне прожектор и поняла, что он освещает еще один фрагмент тела. Она вернулась к лейтенанту, держащемуся позади так, чтобы никому не мешать, но в то же время ничего не пропустить: больше всего его явно интересовала работа экспертов-криминалистов, которые уже начали отмечать на земле положение возможных улик.

– Место удара вон там? – спросила она, опустив бумажную маску.

– Мы так думаем, – подтвердил лейтенант. – Там же нашли сумку с наркотиками.

– И голова тоже там?

– То, что от нее осталось.

– А ноги?

– Их еще ищут. Пожарные сказали, что колеса могли затянуть их под вагоны и разметать по всей длине состава. Так бывает.

Лудивина подняла брови: ей и без того вполне хватало кровавых подробностей. Она вернулась к телу и медленно обошла его, а затем присела, чтобы осмотреть.

Поднятые руки застыли в воздухе. Ладони раскрыты, словно чтобы загородиться от удара. Нескольких пальцев не хватает: их отрезало колесами локомотива.

Подошел Гильем, собиравший свидетельские показания.

Штанины его комбинезона при каждом шаге шумно терлись друг о друга.

– Машинист ничего не видел? – повернулась к нему Лудивина.

– Возможно, ты заметила, что рельсы здесь заворачивают. Он ехал со скоростью больше семидесяти километров в час, тело лежало на путях, машинист в этом уверен, иначе он заметил бы, как человек бросился под колеса. Повезло, что в поезде не было пассажиров: он смог резко затормозить. Состав остановился там, где стоит сейчас. На первый взгляд кажется, что тело не слишком сдвинулось с того места, где оно было в момент удара. Несколько фрагментов разлетелось, но само тело просто порезало колесами, и его отшвырнуло всего на несколько метров.

Тренировочные штаны мертвеца сползли на бледные бедра, под ними обнаружили цветные трусы. Разорванная футболка приподнялась, открыв достаточно мускулистый живот, весь растрескавшийся: при ударе кожа порвалась, как набитый мешок, и кишки вывалились на железнодорожное полотно.

Жандарм продолжил:

– Возле локомотива стоят парни из спецотряда, с ними машинист и сотрудники НКФЖД⁷. Железнодорожники говорят, что нужно быстро очистить место: по правилам линия должна быть готова к работе завтра рано утром, без опозда-

⁷ SNCF, Национальная компания французских железных дорог.

ний. Похоже, даже преступление не может прервать работу железной дороги.

Лудивина неодобрительно нахмурилась, но ничего не сказала.

– Видела, как у него штаны низко спущены? – спросил Гильем. – Странно, да? И трупное окоченение верхних конечностей. Оно наступает не раньше чем через три-четыре часа и достигает максимума примерно через десять часов, но авария случилась полтора часа назад, а труп так выглядел, уже когда приехали жандармы, лейтенант Пикар подтвердил. Этот тип умер задолго до того, как его переехал поезд. Что-то тут не так.

– И ты сам до всего этого дошел? – удивилась Лудивина, хорошо знавшая, в чем ее коллега разбирается, а где у него пробелы.

– Не-а, если честно, не все. Этот Пикар, похоже, знает свое дело. Честолюбивый парень. Он мне все это набросал. Когда они в придачу ко всему обнаружили еще и товар, он сразу решил позвонить нам.

В те времена, когда Лудивина предавалась самым разным излишествам, она в том числе прочла и выучила наизусть десятки учебников по криминалистике на французском и английском языке. Она тряхнула головой, вспоминая все, что знала о несчастных случаях такого типа.

– Удар при столкновении с поездом настолько силен, что с человека может сорвать одежду, ее может стянуть так, как в

этом случае. Кроме того, при ударе жертва порой застывает, ее словно парализует на месте, так что порой ее состояние можно даже спутать с классическим трупным окоченением. Я не судмедэксперт, но разрывы ткани на коленях похожи на травмы, которые можно ожидать от колес поезда. К тому же на теле вокруг повреждений есть следы от смазки, что подтверждает версию о смерти от удара.

– Я все тщательно осмотрел, – настойчиво продолжил Гиллем, – и могу уверить тебя, что кровь вокруг тела – это кровь из ран, полученных при ударе. Но я не видел брызг или пятен крови на рельсах, на насыпи, как будто его сердце сразу же перестало биться. Так бывает?

Лудивина заинтересованно взглянула на него.

– Пикар трогал тело?

– Нет, просто осмотрел, чтобы составить представление. Он ничего не касался.

Лудивина вытащила из кармана куртки небольшой фонарик, направила его на ошметки тела и осмотрела несколько мест, остававшихся в тени, несмотря на резкие лучи прожекторов. Она не увидела ничего особенного, но надолго замерла, изучая горло. Нижняя челюсть прямо над ним – все, что осталось от человека. Все, что он пережил, что чувствовал, вся его память, история, все, что делало его личностью, исчезло за долю секунды, пропало навсегда, было смято стальным локомотивом. Лудивина переключилась на предплечья, затем на ладони. Двух пальцев не хватало, еще три были

выломаны. Сломанные ногти торчали, словно обломки костей. Девушка склонилась еще ниже, заинтригованно втянула носом воздух. Затем продолжила рассматривать кисти рук, освещая фонариком каждый уцелевший палец.

– Нет, тут дело не для Бригады по борьбе с наркотиками, – одними губами прошептала она.

Гильем шагнул ближе к ней.

– Несмотря на наркотики? – удивился он.

Лудивина указала на вывернутые руки:

– Либо на нем были наручники, которые при ударе затянулись вокруг запястий, а потом были сорваны поездом и куда-то отлетели, либо этого человека перед смертью связали.

Гильем наклонился над телом.

– О черт.

– Видел его ногти? На самом деле они – не его. Некоторые вообще покрашены. Их наклеили поверх его собственных ногтей. Размер не совпадает, форма тоже.

– Думаешь, он трансвестит?

– Нет, думаю, это убийство.

6

Искаженный расстоянием гул машин с автострады отражался от шумозащитных экранов и лишь затем долетал до железнодорожного полотна на дне оврага. Лудивина осматривалась, запоминая место преступления. Длинный изгиб путей, эти адские рельсы, бесконечная гильотина, соединявшая людей между собой. На этот раз она раскроила одного из них на части.

Гильем в белоснежном комбинезоне, который ему с трудом удалось натянуть поверх парки и шарфа, подошел к коллеге, чтобы поговорить вдали от любопытных ушей.

– Лулу, ты только не обольщайся. Это был бы не первый самоубийца, связавший себе руки перед смертью. Когда они слетают с катушек, то бывают очень изобретательными.

– На запястьях нет ни единого фрагмента веревки.

– Ты сама допустила, что ее могло сорвать при ударе. Если этот торчок украл запасы у дилера и прибежал сюда прятаться, мы будем выглядеть идиотами. То, что у него ногти не свои, ни о чем не говорит, извращенцы вроде него нам уже встречались. Может, он трахался за деньги, чтобы заработать на дозу, а потом вмазался и свалился на рельсы.

– Следов от уколов на руках нет.

– Они колют в подмышки, под колени, в бедра, да куда угодно! А может, он курил крэк...

– Ты почувствовал запах?

– Ты о чем?

– Подойди, наклонись и принюхайся к телу.

– Ну уж нет, спасибо, тухлятину я нюхать не стану.

– От него разит хлоркой. Так сильно, что ты заметишь, даже если просто встанешь рядом. Скажешь, что он перед выходом из дома на всякий случай принял хлорный душ?

Гильем замаялся. Он поднес к губам электронную сигарету и жадно затянулся, выпустив клуб дыма с ароматом корицы.

– Ты же знаешь, уже поздно, завтра суббота, к тому же праздник, – напомнил он. – Это значит, что нам придется поднять на уши кучу народу, договориться с прокурором, который, возможно, будет совсем не в настроении, выдержать давление со стороны железнодорожников, которым наплевать на то, сколько времени нужно нашим ребятам, чтобы обследовать место преступления, и которые вообще хотят нас выгнать отсюда на рассвете. К тому же с точки зрения отчетности *было бы лучше*, если бы ты не открывала дело об убийстве в ситуации, когда речь, скорее всего, идет о несчастном случае. Короче говоря, ты готова устроить дикий хаос, который всех только разозлит?

– Тут что-то не сходится, Гильем, уж поверь. Парень лежал на рельсах, лейтенант Пикар не ошибся. Он отметил несколько странных деталей, которые по отдельности можно объяснить силой удара, но все вместе они выглядят очень подозрительно. Я хочу взяться за это дело. Давай хотя бы

выясним, как этого парня звали, и хоть что-то о нем узнаем. Согласен?

– Под твою ответственность. Я высказал свое мнение, но в любом случае тебя поддержу.

– У тебя все равно нет выбора, ведь ты мой ангел-хранитель, помнишь?

С тех пор как Гильем полугодом раньше спас ей жизнь, Лудивина называла его только так. Она боялась, что их отношения изменятся, возникнет неловкость, но после его свадьбы и в особенности после того, как они снова начали работать вместе, все ее страхи рассеялись. Произошедшее лишь укрепило их близкие, едва ли не братские отношения.

Она высоко подняла голову и медленно пошла прочь, глубоко задумавшись.

– О чем думаешь? – поинтересовался Гильем.

– Это действительно трупное окоченение, тело совсем холодное. Я не специалист, но думаю, что он умер довольно давно. За день здесь проехало множество поездов. Даже за вечер их должно было быть немало...

– Ты имеешь в виду, что сцена преступления и место преступления – не одно и то же?

– Мне так кажется.

– Надо узнать у железнодорожников, когда прошел предыдущий поезд. Так мы определим, в какой временной промежуток сюда притащили покойника.

Лудивина указала на западный склон оврага, на дне кото-

рого они стояли.

– Высота шумозащитных экранов – метров пять, не меньше. С той стороны попасть сюда невозможно. Остается только склон, по которому спустились мы.

– Дорога, по которой проехала куча машин, прошла толпа людей. Где теперь точно не найти ни единого следа.

– На это и рассчитывал преступник или преступники.

– Ох, Лулу, ты явнохватила лишку. Мы слишком много додумываем. Сама знаешь, убийцы редко бывают так изворотливы.

Она указала ему на рельсы:

– Жертва была мертва до того, как ее сюда притащили. Зачем так мучиться? Зачем рисковать, ведь преступника могли заметить? Достаточно было выбросить труп в каком-нибудь богом забытом месте, в лесу, в поле, где-нибудь подальше от города. Но нет, преступник пришел именно сюда с трупом на руках. У такого поступка должно быть четкое объяснение. Вполне возможно, преступников все же было несколько.

Гильем указал на верх склона, где невидимые им проблесковые маячки мигали, словно завораживающий стробоскоп.

– Может, они просто убили его там, наверху.

– И выждали несколько часов, пока не наступит трупное окоченение, а потом спустили тело вниз, воспользовавшись паузой между двумя поездами? Нет, нелогично. Смотри, здесь у дороги изгиб. Они знали, что машинист поезда не успеет ничего заметить и затормозить. Они хотели, чтобы

тело нашли, ну и заодно сделали все так, чтобы мы сами замели их следы.

– Обычно убийцы стремятся к тому, чтобы трупы никто никогда не нашел. В твоей версии нет логики.

– Как тебе кажется, зачем его целиком вымыли с хлоркой? Чтобы смыть любой след ДНК. Они хотят передать послание. Может, это разборки между бандами наркоторогов?

Гильем скривился. Он знал, что Лудивина всегда размышляет вслух, что ей так лучше думается. Она сама не до конца верила в свои теории, но все равно излагала их, выбирала наиболее правдоподобную и искала в ней слабые места. Она проверяла их на слух, прямо как Флобер свои фразы.

– Что смешного? – удивилась она.

– Да ничего. Но если ты и правда так думаешь, то как ты объяснишь сумку с наркотиками? Я еще ни разу не встречал наркоторогов, которые могли бы бросить товар.

Лудивина медленно кивнула и повернулась к одинокому прожектору. Потом решила и прошла двадцать метров, отделявшие их от этого круга света посреди тьмы. Она тут же заметила жуткое алое месиво, которое, вероятно, еще недавно было головой, и решила не рассматривать его. Рано или поздно придется это сделать. Но точно не сейчас. Они стояли в месте столкновения тела с поездом. Она отвернулась от кровавой плоти и увидела, что Гильем сидит на корточках возле черного рюкзака. Руками в одноразовых перчатках он аккуратно приподнял верхний клапан.

– Что там? Кокаин? Героин? Много?

Гильем взвесил рюкзак, а затем осторожно заглянул внутрь.

– Тяжелый. Сильно нагружен. Я вижу три бруска каннабиса и... чертов пакет с... О господи.

Он вытащил прозрачный пластиковый пакет с изображением черного осьминога, похожего на череп. Пакет заполняли крошечные белые кристаллики, ярко блестящие в неумолимом свете прожектора. Они сияли, словно бриллианты самой Смерти – ее самое любимое, самое действенное украшение.

Лудивина сразу же их узнала и непроизвольно отступила на шаг назад.

Сердце у нее забилося так быстро, словно хотело вырваться из груди.

Очень быстро.

В камине, тихонько потрескивая, горело полено. Этот треск напомнил Лудивине звук, который издает при нагревании трубка для курения крэка. Дурацкая профессиональная деформация. Она отложила книгу, которую взяла полистать для того, чтобы хоть немного отвлечься. Но сделать это явно не получалось.

Лудивина приготовила себе имбирный чай с молоком и включила музыкальный центр. Заиграл оказавшийся внутри диск Боба Дилана. В отличие от всей планеты, она еще не отказалась от материальных носителей информации. Ей нравилось окружать себя любимыми вещами: это ее успокаивало. Шла ли речь о книгах, музыкальных дисках или даже о старых DVD, которые пылились на полках ее гостиной. Ее тревожила непрекращающаяся дематериализация. Наши чувства утрачивают плоть, остается лишь душа, которая хранится в цифровом виде, и скоро нас будут окружать лишь призраки наших страстей, думала она. Постепенно плоти лишается все, что доставляет человеку удовольствие. Но разве это не первый этап на пути к тому, чтобы однажды дематериализовался и сам человек?

Послышалось гитарное вступление к *Blowin' in the Wind*, и вот уже комнату заполнил узнаваемый, ни на чей не похожий голос – он ударился о красные кирпичи стен, заглушил

пискливый треск полена в камине. Песня играла очень громко, но Лудивине не хотелось ее приглушать. Она пила чай, испытывая на себе власть музыки, меланхолии, которой была наполнена песня, то отвлекаясь на несущую успокоение мелодию, то вновь возвращаясь мыслями к мрачной реальности.

В начале любого расследования Лудивине никогда не удавалось полностью отключиться, отдохнуть.

Она вернулась домой поздно ночью, проспала несколько часов и готовилась выйти на работу на все выходные. Гильем ждал ее к полудню в Отделе расследований, для своих – ОР. На подмогу вызвали Сеньона: за полчаса до полудня тот, как они с Лудивиной и договорились, позвонил ей в дверь. Она едва вышла из душа и не успела даже высушить волосы: еще более непокорные, чем обычно, светлые пряди падали ей на лоб, на большие голубые глаза, словно видевшие весь мир насквозь.

Могучий Сеньон приехал в безразмерных тренировочных штанах, кроссовках и толстовке с капюшоном, под которой проступали его крепкие мышцы. Он убавил громкость музыкального центра, все еще игравшего диск Дилана.

– Да уж, ты принарядился, – усмехнулась Лудивина.

– Ты вытащила меня из койки утром в субботу, к тому же в праздник, и надеялась, что я напялю галстук?

– Летиция расстроилась?

– Да вроде нет.

Лудивине, прекрасно знавшей коллегу, в этом ответе слышался цинизм.

– У вас с ней сейчас все в порядке?

– День на день не приходится.

– Ей все еще снятся кошмары?

– Редко. Хотя бы в этом плане жизнь налаживается. Но у нее до сих пор болят спина и почки. Она перестала ходить к психотерапевту. На мой взгляд, это глупо, но она меня не слушает. Я то герой, спасающий жизни, и потому должен все бросить ради работы, то эгоист, который слишком рискует и совершенно не думает о семье.

– Дай ей время. Ей нелегко, ты же знаешь.

Сеньон широко раскрыл глаза, и они засияли под капюшоном двумя беспокойными лунами.

– Я всегда рядом, но честно скажу: эти ее перепады настроения мне трудно понять и с ними трудно справляться.

– Будь терпелив. Она крепкая и со временем обо всем забудет. Это же просто ужас – что она пережила в том автобусе.

Лудивина знала, о чем говорила. На ее долю тоже выпало достаточно травм, от которых она еще до конца не оправилась.

– А вот по поводу спины ей точно стоит обратиться к врачу, – добавила она.

Сеньон кивнул.

– Так что же, сегодня ночью нам выпал счастливый билет? – спросил он.

– Гильем уже все тебе рассказал?

– Про товар? Вы уверены, что это оно?

– Да, выглядят точно так же. Такие же пакетики с осьминогом в виде черепа. Модифицированные соли для ванны.

Так называемые МСВ появились на рынке в начале года, как раз когда Отдел расследований гонялся за человеком, которого порой называли Дьяволом. МСВ представляли собой жуткую смесь наркотиков. Бензилпиперазин, ЛСД, кетамин и метамфетамин в четко отмеренных дозах, вызывающие подобную длительному оргазму эйфорию, а вместе с ней нарушение системы психологического торможения, нарастающий стресс, полное искажение представлений о нравственности, галлюцинации и усиленную реакцию на ощущения – как реальные, так и воображаемые. МСВ превращали робкого агнца в сатира, способного на худшие в мире поступки, и брали своих потребителей в оборот так крепко, что через некоторое время те начинали походить на медленно передвигающихся, пускающих слюну и совершенно ничего не соображающих зомби. С тех пор как этот наркотик наводнил рынок для любителей острых ощущений, было отмечено несколько вспышек психозов, приведших к невероятному всплеску насилия. Приверженцы МСВ умаляли силу его воздействия, утверждая, что до насилия дело доходит крайне редко и что по соотношению цены и качества этот продукт не имеет себе равных, а потому он просто лучшее, что предлагает рынок кайфа. Под его воздействием ночь длилась

вечно, человека наполняла невероятная энергия, сильнейшая радость жизни, он испытывал бесконечное сексуальное наслаждение. Вечеринка могла длиться два дня без остановки, человеку не хотелось ни есть, ни пить. Но и отходняк был совсем неслабым. А между приемом наркотика и отходняком у людей случались провалы в памяти, приступы бреда, а порой и нарушения личности, доходящие до жуткого самокалечения или невиданной по жестокости агрессии. С начала года среди потребителей МСВ уже было зафиксировано несколько самоубийств, несчастных случаев со смертельным исходом, сердечных приступов, актов самокастрации и даже каннибализма.

Подобно тому, как сейсмологи ждут Большого землетрясения, которое однажды сотрет с лица земли Калифорнию, а вирусологи – появления штамма вируса H5N1, который спровоцирует настоящую пандемию, токсикологи уже давно опасались появления наркотика, вызывающего крайне сильное привыкание и при этом оказывающего крайне разрушительное воздействие на личность. Как раз таким наркотиком и стали МСВ. Наркотическая катастрофа мирового масштаба взаправду существовала и все шире распространялась не только среди токсикоманов, но и среди любителей ночных развлечений: случайных клиентов и даже подростков, жаждущих новых ощущений либо испытывающих социальное давление, принуждающее их уходить в разгул.

– Будем работать с Ивом и парнями из Бригады по борь-

бе с наркотиками, – выдохнул Сеньон. – Если это и правда наркотики, пусть разбираются.

– Естественно. Мы займемся убитым и его убийцей – или убийцами. Если обнаружим сеть наркодельцов, полковник решит, кто будет дальше вести расследование, но я думаю, в таком случае мы передадим это дельце Бригаде по борьбе с наркотиками. Каждый делает свою часть работы. Наша работа – убийство.

– С чего начнем?

– Пока неясно. Пришлось действовать быстро, чтобы к утру открыть движение поездов, так что криминалисты работали в спешке, хотя местность там сложная, а площадь большая. Собрали по меньшей мере девятьсот образцов ДНК – на окурках, жвачках, разном мусоре: наверняка все это попросту выбросили в окно поезда те, кто там ездит. Но это надо было сделать. Правда, у нас вряд ли найдутся деньги на то, чтобы их все исследовать

С тех пор как Лудивина начала работать в жандармерии, тот факт, что правосудие имеет цену, был для нее главной причиной для расстройства. Правду надо покупать. Каждый анализ ДНК стоит несколько сотен евро, притом что обычно на месте преступления находят порядка тысячи образцов – а иногда и больше. Если прибавить к обычным расходам на работу всех служб, участвующих в расследовании, стоимость дополнительных часов работы следователей и экспертов, расходы на их перемещения, то стоимость каждого, да-

же самого крошечного уголовного преступления оказывается пяти-, а то и шестизначной: часто расследование обходится в миллион евро, а порой и еще дороже. Судья всякий раз рассматривает стопки запросов, а бюджет, выделенный на правосудие, с каждой неделей тает, так что следователям даже приходится порой отказываться от самых простых проверок: их признают «необязательными» в силу стоимости.

– Деньги на наркомана, который, возможно, покончил с собой? – расхохотался Сеньон. – Забудь о своих анализах ДНК за двести тысяч! Что там еще есть?

– Обстоятельства и место.

– То есть?

– Я говорила с судмедэкспертами, они решили, что дело не срочное. Вскрытие проведут не раньше чем утром в понедельник. Но я уверена, что парень был мертв задолго до того, как его переехал поезд.

– Что сказал врач на месте?

– То же самое. Явное окоченение, слишком явное, пусть даже столкновение с поездом могло привести тело в схожее состояние. Эксперты нам это подтвердят.

– Трупные пятна соответствовали положению тела?

– Ты теперь что, интересуешься трупными пятнами?

– Моя коллега использует термины из криминалистики, я пытаюсь соответствовать.

Лудивина усмехнулась.

– Об этом ничего точно не известно. Его разрезало на

части, фрагменты тела утащило под поезд, труп сместился, кровь оказалась повсюду, и из-за этого мы не смогли сделать никаких выводов. Зато машинист предыдущего поезда, прошедшего за десять минут перед нашим, ничего не видел.

– Значит, когда они выбросили труп?

– В период с 22.50 до 23.00. Убийца – или убийцы хотели, чтобы его нашли, иначе не стали бы возиться и тащить его туда.

– Предупреждение для других дилеров? Война банд?

– Мы поймем это, когда узнаем имя убитого. Место там довольно глухое, попасть туда непросто. Есть только одна дорога, по которой мы все и приехали. Не знаю, специально ли так было задумано, но в любом случае это сыграло убийцам на руку. Искать что-либо на дороге не имеет смысла. Я уверена, что место точно выбрали заранее. Там неподалеку есть пара спальных районов, посмотрим, будет ли какая-нибудь связь с личностью убитого.

– Но почему они бросили товар? Это глупо... Что-то тут не сходится.

– Есть несколько деталей, которые никак не вяжутся между собой. В этом деле что-то явно не так, вот почему оно меня зацепило.

Сеньон указал на просторную кухню:

– Сделаешь мне кофе?

Только Лудивина сделала шаг к плите, как у нее зазвонил мобильный телефон. Увидев на экране имя Гильема, она

включила громкую связь.

– Здоровяк у тебя? – сразу же спросил Гильем.

– Я тебя слышу, желтый уровень опасности!

– И тебе тоже привет, Сеньон.

– Мы уже едем, – вставила Лудивина.

– И правильно делаете. Я приехал пораньше, и не зря: у нас уже есть имя убитого. Это точно не случайный прохожий.

Парижский Отдел расследований располагался в здании XIX века на Порт-де-Баньоле – в казарме, где раньше взимали пошлину за въезд в город. Гигантская казарма, выстроенная в форме буквы U из когда-то белого, но посеревшего от времени камня, нависала над улицей и небольшим внутренним двориком, словно не сводя с города внимательного, всевидящего взгляда своих высоких, узких окон.

Лудивина, Сеньон и Гильем работали на втором этаже, в кабинете, оформленном исключительно по их вкусу, но довольно стереотипно, словно всем следователям в мире непременно нужно было окружить себя символами радости, чтобы оградить себя от ужасов своей профессии. Угол, который занимал Гильем, выглядел наиболее карикатурно: тут висели афиши фильмов «Подозрительные лица» и «Семь», а между ними – вымпел футбольного клуба ПСЖ. Сеньон копил предметы. Он отгородился от всего мира стеной из вскрытых посылок. Из них торчали DVD-диски в нетронутой целлофановой упаковке, комиксы, которые он еще не успел прочесть, – все то, что он с азартом заядлого барачольщика выискивал в интернете и заказывал с доставкой по рабочему адресу. Стол Лудивины долгое время оставался идеально чистым и пустым: ничто на нем не говорило о личности его владелицы. Но недавно она вдруг захотела

как-то оформить свое рабочее пространство. Сначала на столе появилась кружка «Нью-йоркских гигантов», принадлежавшая их погибшему коллеге Алексису: она заняла место между компьютером и толстой ароматической свечой с запахом янтаря. Затем Лудивина водрузила у стены за креслом два икеевских стеллажа и заставила их книгами по криминалистике. Единственной нераскрытой тайной для нее оставалась небольшая коллекция, начинавшая постепенно оккупировать полки: пестрые игрушки из киндер-сюрприза. Лудивина не знала, кто именно развлекается тем, что ставит их ей на полки, и каждую неделю испытывала приступ бессильной ярости, обнаруживая новое поступление. Ни Гильем, ни Сеньон никогда не ели при ней шоколад; игрушки мог принести любой сотрудник ОР. Вероятнее всего, этим занимались следователи из группы Магали, сидевшие в кабинете напротив, по другую сторону коридора. Бен и Франк всегда были готовы от души посмеяться. Так или иначе, это шуточное расследование помогало Лудивине каждый понедельник встряхнуться и быстро вернуться к работе после краткого отдыха, напомидало о том, что не стоит всегда воспринимать себя всерьез, что важно сохранять немного легкомыслия в комнате, которую часто заполняли самые жуткие истории.

В субботу, 11 ноября, на этаже стояла почти пугающая тишина. На работе не было никого, кроме них, по крайней мере по пути в кабинет они не встретили ни души.

Гильем, как обычно одетый в пеструю рубашку, закрепил

только что вылезший из принтера лист бумаги на белой доске для маркера магнитом в форме американского полицейского значка.

Лицо под темной шапкой всклокоченных волос казалось сосредоточенным, серьезным; взгляд опущен. Вокруг глаз виднелись темные круги, веки набрякли. Приплюснутый нос и плохо выбритые щеки дополняли портрет человека, по-видавшего слишком много плохого за довольно короткую жизнь. Мужчине на фото на вид было около тридцати лет. На подбородке, возле рта и на лбу виднелось несколько небольших шрамов.

– Лоран Брак, – представил Гильем. – Я получил подтверждение его личности по почте сегодня утром. Его отпечатки хранились в АСИОП⁸.

Лудивине показалось забавным такое начало. Реальность была далека от работы полицейских, которую люди привыкли видеть в фильмах и сериалах: отпечатки пальцев сменяются на экране со скоростью света и начинают мигать красным, когда обнаруживается совпадение. Они всего-навсего получили письмо по электронной почте, в котором сообщалось, что найденные ими отпечатки совпадают с хранящимися в АСИОП. На мониторах компьютеров не отображались никакие звуковые или световые сигналы, да и нет у них никаких огромных экранов, чтобы полюбоваться крупными оцифрованными снимками отпечатков пальцев. Следова-

⁸ Автоматизированная система идентификации отпечатков пальцев.

лю просто пришло письмо – такое же, как и любое другое.

– Почему их там хранили? – спросила Лудивина.

– Судя по СУС⁹, у Брака длинный послужной список. Все началось с мелочей в подростковом возрасте – драки, порча имущества, хранение наркотиков. Потом он докатился до кражи со склада электроприборов, после которой ненадолго отправился в Вильпент, отсидел, затаился на полтора года – по крайней мере, больше его ни на чем таком не поймали. Затем протаранил на машине банкомат и снова оказался за решеткой: на этот раз в тюрьме «Френ», и срок был посолиднее. С тех пор в деле не появилось ни единой новой записи.

– Когда он вышел? – поинтересовался Сеньон.

– Два года назад.

– И ни единой новой записи? – переспросила Лудивина.

– Ни единой. Вы меня знаете, я работаю скрупулезно. Пока вы расслаблялись и пили кофе у Лулу, я шарил в интернете в поисках хоть чего-нибудь связанного с Лораном Браком. Я знаю, что он все время ошивался в районе Корбея, в девяносто первом департаменте. Вы не представляете себе, что можно обнаружить в интернете и в соцсетях, зная дату рождения человека и имея на руках его фотографию!

– Так ты его нашел? – удивился Сеньон.

– Похоже, что да. Я прошерстил «Одноклассников» и «Фейсбук» и отыскал девицу, на странице которой написано, что она замужем за неким Лораном Браком. И одна из

⁹ Система учета судимостей.

ее фотографий развеяла все мои сомнения. К тому же она живет в Корбей-Эсоне, там, где...

– Он женат? Дети есть?

– Судя по фотографии девицы, вполне возможно. На ней она с ребенком на руках.

– Значит, он начал новую жизнь и нашел любовь, – сделала вывод Лудивина. – По крайней мере, для сторонних наблюдателей. Корбей совсем рядом с тем местом, где мы нашли труп. Он живет рядом с железной дорогой?

Гильем кивнул.

– Несколько месяцев назад он зарегистрировал машину в одном из микрорайонов, которые видны от спуска к путям.

– И как все было? – вступил в разговор Сеньон. – Он вышел из тюрьмы, женился, сделал одного-двух ребятишек, понял, что больше не станет творить глупостей или по крайней мере будет вести себя осторожно, но не сумел устоять, продолжил водиться с плохими парнями, влез в местные дела с перевозкой наркотиков, и что-то пошло не так? Нам нужен Ив и его парни! Без Бригады по борьбе с наркотиками мы зря потеряем кучу времени.

– Я ему уже позвонил, – сообщил Гильем. – Он был дома, с семьей, но обещал приехать.

Лудивина погрозила ему пальцем:

– Будь осторожен, если станешь работать так эффективно, того и гляди, заработаешь повышение! Отлично, Гильем. Итак, вот наша жертва. Парень с преступным прошлым, ко-

торый, похоже, решил завязать после выхода из тюрьмы. Жена, по меньшей мере один ребенок. Интересно узнать, была ли у него работа, источники регулярного дохода.

– Не забывайте, что перед тем, как оказаться здесь, я работал в Версале следователем по финансовым вопросам, – напомнил Гильем. – Я могу проверить БДБС, базу данных банковских счетов. Оттуда мы возьмем номера всех банковских счетов, связанных с именем жертвы. Но потом придется ждать понедельника – только тогда я смогу обзвонить банки и узнать подробности. А пока я взгляну на его налоги: узнаем, что он декларировал.

Лудивина знала, что Гильем способен собрать все возможные данные, которые помогут им понять, кем был Лоран Брак. В жандармерии имелось более трех десятков баз данных, которые нужно было проверить, чтобы составить полный портрет подозреваемого. Поскольку Национальная комиссия по информатике и гражданским свободам зорко следила за тем, чтобы сведения в базах не совпадали, поиски нужно было вести последовательно, проверяя все базы данных одну за другой.

– Продолжай поиски. Надо оповестить его вдову, – печально добавила девушка. – Если только она и правда его вдова и адрес у нас правильный. Если она захочет с нами говорить, я попробую побольше узнать об их уровне жизни. Сравним ее версию с тем, что он декларировал в налоговой. Гильем, можно я дам тебе еще одно задание? Подай заявку

на поиск совпадений по САС¹⁰.

– Так скоро? Мы не слишком торопимся? И какие сведения мне вводить?

– Вводи все, что мы знаем. Наркотики, брошенные рядом с жертвой, труп на железнодорожных путях, МСВ, трансвестит, расчленение, и не забудь, тело полностью вымыто с хлоркой. Бери широко, мало ли что.

– Может, хотя быждемся результатов вскрытия?

– Их не будет до понедельника, я не хочу так долго ждать. Если потом появятся какие-то уточнения, проведем поиск повторно.

– Вот эксперты обрадуются, когда узнают, что им придется дважды обрабатывать один и тот же запрос.

– Это их работа.

Сеньон, хитро поглядывавший на Лудивину, наклонился к ней:

– Я тебя неплохо знаю и вижу, что ты не случайно все это затеваешь. Что ты задумала?

– У нас необычное место преступления. Есть здесь что-то странное, что я никак не могу уловить. Преступники хотели, чтобы труп нашли, иначе не бросили бы его на путях, но при этом положили его на повороте, чтобы его точно пере-

¹⁰ Система по анализу совпадений насильственных действий преступного характера, своего рода аналог американской системы ViCAP, позволяет найти общие черты у преступлений, совершенных далеко друг от друга, на основе базы данных, в которую вносятся насильственные преступления и признанные подозрительными дела. – *Прим. автора.*

ехал поезд. Это глупо, ведь они знают, что это не помешает нам установить личность жертвы по отпечаткам или анализу ДНК. Тогда зачем прикладывать столько усилий? К тому же перед этим тело полностью продезинфицировали, наклеили чужие ногти... И еще вся эта дурь... Полная бессмыслица, совсем не похоже на обычное дело с наркотиками. Тут что-то другое, не связанное с разборками между дилерами. Я хочу убедиться, что мы не имеем дело с какой-нибудь организованной бандой, которая уже совершала преступления в парижском регионе или где-то еще.

– Хорошо, – кивнул Гильем, – я этим займусь.

Час спустя, когда трое следователей, сидя каждый за своим столом, обедали китайской лапшой, купленной на вынос в забегаловке у Порт-де-Баньоле, в дверь просунул голову Ив. Он работал в той самой Бригаде по борьбе с наркотиками: руководил небольшой ударной группой, которую Лудивина хорошо знала, потому что несколько раз им помогала: полгода назад они вместе перехватили машину, участвовавшую в гоу-фасте, с чего и началось «дело Дьявола», как они его теперь называли. Ив всегда не просто смотрел на собеседника, он пронизывал его резким взглядом, жестким, как его короткие, темные волосы, среди которых виднелись седые пряди. Рот обрамлял черный щетинистый круг из усов и бороды – словно капкан, готовый в любой миг захлопнуться и поймать первую же неосторожную жертву, решившую померяться с Ивом силами. Даже тонкие морщинки, словно

растягивавшие его глаза, напоминали скорее шрамы. Казалось, что долгие годы работы в Бригаде по борьбе с наркотиками оставили глубокий след на этом человеке, охотившемся за ними с беспощадностью Немезиды. Но вне работы Ив совершенно преображался: все резкие черты сглаживались, он излучал доброту и тепло. Он трижды постучал в дверь, прежде чем войти, и взмахом руки отмел все извинения коллег, неловко чувствовавших себя из-за того, что они вызвали его на работу в выходной, оторвав от семьи.

Гильем изложил все, что они знали, и Ив вдруг оказался в кольце пристальных взглядов троих жандармов, жадно смотревших на него, словно ожидая, что он даст им ключ к тайне. Ив пожал плечами.

– Сразу говорю, ваш покойник – не наш клиент. Лицо и имя мне ни о чем не говорят. Я проверю, но не ждите от меня ничего интересного. Район, в котором он жил, я знаю, в нем торгует несколько банд, мы там уже вели дела, но об этом надо будет еще поговорить с коллегами из полиции. Я могу заняться этим в выходные, если дело срочное, мы все друг друга хорошо знаем, у меня есть номера их мобильных.

– Детали преступления не напоминают тебе что-то, с чем ты уже сталкивался? – спросила Лудивина.

– Нет. К тому же дилеры не бросают вот так свой товар, уж точно не в ситуации, когда хотят передать какое-то сообщение.

– Может, они его забыли? – предположил Сеньон. – Было

темно, они запаниковали, бросили труп и сбежали без товара.

– Думаешь, они идиоты? И потом, партия крупная, никто бы ее так просто не забыл. Поставь себя на их место, это ведь самое дорогое, что у них есть. Они всегда знают, где сейчас их товар, у кого на руках, и уж точно не прогуливаются с ним вдоль железной дороги, когда им нужно избавиться от трупа. Нет, в такую версию я ни за что не поверю.

– Тогда предложи свои варианты! – не отступала Лудивина, собирая свои непокорные светлые локоны в хвост.

– Есть только одна причина, по которой торговцы наркотиками могут бросить большую партию товара. Они так поступают, если другого выхода просто нет. Вероятно, им по какой-то причине пришлось бежать, и они знали, что, если их поймут, товара им лучше при себе не иметь.

Лудивина крутанулась в кресле, повернулась к Гильему и его кричащей рубашке:

– Мы даже не подумали поговорить с местной АКБ¹¹. Может, они спугнули наших убийц и погнались за ними, не зная, что те бросили труп на путях.

– Мигалки освещали весь район, по рациям без конца говорили про убийство, – парировал Гильем. – Они уже давно связались бы с нами. Но я, конечно, позвоню им, на всякий случай.

Ив пригладил усы и вновь вступил в разговор:

¹¹ Антикриминальная бригада.

– Если они бросили товар, убегая, то, возможно, они кого-то отправят в этот район, хотя бы для того, чтобы убедиться, что там уже ничего нет. Наверняка уже поздно, но правильно было бы посадить там кого-нибудь в засаду.

Лудивина разозлилась на себя за то, что не подумала об этом раньше, и тут же схватилась за рабочий телефон. Она позвонила бригаде жандармов, которая предыдущей ночью выезжала на место преступления, и потребовала, чтобы трубку дали лейтенанту Пикару, который знал, где там что находится. Она попросила его срочно выслать на место преступления двух человек.

– Не стоит ничего от них ждать, – сказала она, повесив трубку, – но мы хотя бы попытались.

Сеньон продолжал расспрашивать Ива:

– Может, пакетики с МСВ выведут нас на след конкретной банды?

– Этим летом все изменилось. МСВ теперь везут отовсюду, в основном из Голландии и Германии. Наркотик недорогой и крайне эффективный, спрос на него огромный, так что его стали продавать все дилеры. Что касается района, где обнаружили труп, то, будь уверен, в девяносто первом департаменте почти в каждом спальном районе есть своя небольшая сеть дилеров. Их крышуют дилеры покрупнее, у которых есть деньги и контакты, но ситуация все время меняется, кого-то арестовывают, кто-то погибает, кто-то выходит из игры, и так далее.

Лудивина поднялась с кресла.

– На данный момент мы даже не знаем, имел ли Лоран Брак хоть какое-то отношение к местному обороту наркотиков. Ив, можешь позвонить своим парням, чтобы они в общих чертах рассказали нам о районе, где он жил? И да, я хочу знать, был ли он под наблюдением полиции, и если да, то по какой причине. Гильем, а ты заполни форму для САС и подай запрос.

– А мы с тобой куда поедем? – осведомился Сеньон, увидев, что Лудивина натягивает куртку.

– Проверим адрес Лорана Брака и сообщим печальную новость его вдове, если она и правда существует. Посмотрим, что нам даст этот визит.

Сеньон тяжело вздохнул. Он очень не любил сообщать о смерти.

Всякий раз ему казалось, что он становится ее посланником.

Уже в раннем детстве он был так легок, что едва не взлетал, бегая в теплых и колючих порывах хамсина, несшего с собой весну. Он был и сыном земли – весь грязный, одежда в колючках, ногти черные, – потому что вечно карабкался по камням и скалам или рылся в земле в поисках грызунов, с которыми можно было бы поиграть. Но прежде всего он был сыном огня: его зачаровывал сладострастный, ненасытный танец языков пламени. Мать часто рассказывала ему, что еще младенцем он питал к углям и клубам дыма едва ли не мистическую любовь. Когда он рыдал и никак не мог успокоиться, утешить его могло лишь пламя, пожирающее полено до самого основания, превращающее его в пыль и золу. Таким он родился.

Он был сыном воздуха, земли и огня.

И в то же время нежным, отзывчивым мальчиком, что всю ночь сидел без сна, утешая пастушьего сына, которого пугали стенания степной рыси или беспокойное уханье совы, или готов был отдать свой обед голодной девочке, которую наказал отец-тиран. Он был единственным ребенком, сильно привязанным к матери, послушным и верным отцу.

Но порой и ребенком-дьяволом, решительно топившим соседского щенка, потому что сосед оскорбил его семью, или сыпавшим толченое стекло в бутылку с водой, принадле-

жавшую однокласснику, которого он ненавидел безо всякой причины – просто потому, что тот хорошо учился и это его злило.

Из-за всего этого мать в конце концов прозвала его Джинном.

Дух ветра, песка и огня, то добрый гений, то сам дьявол. Джинн был всем сразу.

«Огонь успокаивает тебя, сын мой, потому что огонь – твоя стихия, – говорила ему мать. – Ты вышел из моего чрева, моя плоть кормила тебя, но сотворил тебя огонь. Бог создал людей нежными и хрупкими, потому что он использовал глину, но ты сделан из пламени, из огня без дыма. Об этом написано в Священной книге: так рождаются джинны. И ты мой маленький джинн».

Мать была холстом, на котором огонь своей кистью нарисовал его рождение, какую же роль играл его отец? Всякий раз, когда Джинн, любивший снова и снова слушать рассказ о своем появлении на свет, задавал матери этот вопрос, она ерошила ему волосы и, весело глядя на него, заговорщицким тоном шептала одни и те же слова: «Твой отец вложил в тебя душу, сын мой, в этом и состоит роль отца».

Джинн вырос со своим тайным именем, которое нежно любил, с этим детским сокровищем, которое он защищал и хранил, пока рос, пока переезжал – сначала на юг страны, в Сайду, потом, уже подростком, в Харет-Хрейк, южный пригород Бейрута. Всякий раз, покидая свой дом, дру-

зей, привычную жизнь – всякий раз, когда нужно было все строить заново, – Джинн знал, что унес с собой главное: свою историю, свою уникальность.

Немного повзрослев, он все четко разложил по полочкам. Да, в действительности он вовсе не был джинном – но он упивался мыслью, что где-то глубоко внутри он иной, что в нем есть особая, волшебная сила, которой нет ни у кого больше.

Пока его мировоззрение только формировалось, он хранил в душе сказку, которую столько раз рассказывала ему мать: он не хотел забыть, откуда пришел. Он был легок, как ветер, крепок, как земля, опасен, как огонь, он был добр к близким и несгибаем с теми, кто заслуживал его гнева.

Джинн повзрослел в то время, Харет-Хрейк заново отстраивали на фундаментах домов, разрушенных Израилем: стену за стеной, крышу за крышей, душу за душой. Этот район стал панцирем, защищавшим его на протяжении многих лет: они росли вместе. Уехать оттуда было нелегко, хотя Джинн и знал, что причина, которая им движет, перевешивает все его чувства. С тех пор он пересек немало границ, побывал во многих странах, научился сживатьсь с их культурой, растворяться в предместьях их городов, исчезать в них. Научился ждать, пока наступит тот самый день. Его день, день великого отъезда.

Он долгое время вынашивал план путешествия, рассматривал все возможные варианты, начиная с въезда в Шенген-

скую зону самым обычным способом – по своему паспорту с визой. Найти причину для въезда не составляло труда – особенно тому, кто стучался в дверь Европы, имея за душой хоть какие-то накопления и будучи готовым еще немного продлить агонию умирающей экономики Старого Света. Но когда ты стучишься в чужую дверь, хозяин, впустивший тебя, чаще всего принимает за тобой по пятам и следит, чтобы ты ничего не украл. А Джинн не мог такого позволить.

Он знал, что мог бы нелегально перейти турецкую границу. Подобраться к ней со стороны Сирии, затем доехать до Газиянтена. Но за этим регионом в последнее время пристально наблюдали самые разные спецслужбы, опасавшиеся возвращения домой блудных детей, чьи мозги промыли так, что они не думали ни о чем, кроме обезглавливания неверных. Пробраться через Турцию – все равно что лезть в змеиное гнездо. Не самая умная идея.

Джинн помнил, что в детстве, когда ему приходилось охотиться на крыс в домишке, где он жил с родителями, охота всегда сводилась к краткому, безжалостному преследованию, в конце которого животное оказывалось в тупике – в углу или под диваном. Как только человек заметил крысу и решил ее убить, ей уже не спастись. И все же однажды Джинн не сумел одолеть крыс. Близилось наводнение. Десятки грызунов проникли в гостиную в их доме. Они бежали из угла в угол, взбирались на стол, прыгали по стульям.

Джинн с отцом бросались то туда, то сюда, но не смогли поймать ни одной крысы – потому что рассредоточили свои усилия, потому что животных было слишком много, потому что они не выслеживали их поодиночке, а хотели убить всех разом. В результате они не убили ни одной.

Джинну нравилась такая стратегия рассеивания.

У него оставались хорошие связи на юге. Пересечь Синайский полуостров было проще простого, Египет с каждым днем контролировал его все меньше. Преодолеть Суэцкий канал и добраться до Ливии – и вовсе задача для школьника. Во владениях покойного Каддафи скапливались бесчисленные толпы жаждущих исхода, добравшихся сюда со всех концов страны, а также из-за ее пределов: из Нигера, Чада, Судана, Эритреи и еще более далеких краев. Каждый день набитые беженцами корабли выходили в море и брали курс на север, на надежду.

Джинн помнил о том, что крыса, оказавшаяся среди тысяч других крыс, остается практически незамеченной, а вероятность того, что ее поймут, стремится к нулю. Европейские СМИ с удовольствием распространяли изображения кораблей, везущих мириады людей на медленную смерть, однако гораздо реже печатали фотографии толп выживших, пересекающих поля Южной Италии, чтобы затем раствориться среди жителей европейских стран. На одну остановленную властями баржу приходился десяток проскользнувших сквозь слишком крупные ячейки сети. Джинн

делал ставку на этот вариант. За деньги он мог нанять лучших, самых надежных проводников. Лампедуза, этот святой Грааль рядового беженца, не устраивала Джинна, Сицилия тоже: он не доверял островитянам. Нет, единственной приемлемой целью для него была твердая земля, материковая Италия.

Последняя сложность для нелегального иммигранта, наконец добравшегося до земли обетованной, состояла в том, чтобы там остаться. После первой же проверки иммигранта отправляли в центр временного задержания, где он оставался дожидаться высылки на родину.

Но Джинн все предусмотрел.

Фальшивый паспорт и виза в нем не вызовут подозрений при рядовой проверке. Денег у него достаточно для того, чтобы слиться с фоном – обзавестись машиной, поработать над внешностью, чтобы она не вызвала лишних вопросов: не снимать солнцезащитных очков, приобрести беззаботный вид. Он был почти уверен, что выкрутится, даже если его остановят полицейские. Вероятность того, что у него попросят документы на автостраде, стремилась к нулю, а в то, что кто-то решит проверить подлинность его визы, он и вовсе не верил.

Когда Джинн покинул африканскую землю и вступил на палубу небольшого суденышка под мальтийским флагом, он впервые за долгое время ощутил укол сомнения.

Он покидал землю, столь близкую к праху, из которого

он появился на свет, отправлялся завоевывать страны, где был никем.

Но все должно было измениться.

Джинн сделал глубокий вдох, наполняя легкие чистым воздухом, и сомнения тут же рассеялись.

Больше за свою жизнь он ни в чем не сомневался.

Дождь медленно затушевывал сад за стеклянной дверью, ткал серую завесу между Лудивиной и внешним миром. Девушка непрерывно меряла шагами свою просторную гостиную. Она заварила себе чай с имбирем и расставила по всей комнате зажженные свечи, чтобы вдохнуть в нее жизнь, противопоставить хоть что-то потокам воды, обрушившимся на ее окна. Неохотно переключала телеканалы, а затем передумала и включила музыку. Нежный голос Дайаны Кролл согрел ей душу, и Лудивина, сама не зная как, вдруг оказалась перед просторным книжным шкафом. Она рассеянно водила пальцами по корешкам книг, словно надписи на них были сделаны шрифтом Брайля. Поплотнее закутавшись в наброшенный на плечи шерстяной плед, Лудивина склонилась над полкой, где стояла ее коллекция старых комиксов про Тен-тена – в детстве она ими увлекалась, – и задумалась, не увлечет ли ее небольшое путешествие в прошлое, в детские годы, но тут же поняла, что ей этого совсем не хочется.

Ей было скучно. Она не могла ни на миг забыть о работе, не могла отдаться простым радостям жизни. Никаких срочных дел в рамках расследования у нее было, и потому ей пришлось смириться с тем, что воскресенье она проведет дома – вдали от работы, от *своего* трупа, от разгадки.

В субботу они с Сеньоном побывали у вдовы Лорана Бра-

ка в маленькой трехкомнатной квартирке, расположенной в унылом спальном районе Корбей-Эсона. Лудивина решила, что сама сообщит женщине о смерти мужа, предоставив Сеньону осматриваться в плохо убранной гостиной. Вдова много плакала, даже слишком много, и вслед за ней заплакал и ее сын, годовалый малыш, который до этого носился по комнате, преследуя темнокожего гиганта, пока тот медленно ходил от книжных полок к буфету, рассматривая редкие фотографии. Будь Сеньон хоть трижды жандармом, он все равно казался мальчику подозрительным. Сеньон предложил приглядеть за малышом и под этим предлогом исчез из гостиной, чтобы заглянуть в другие комнаты.

Немного успокоившись, жена погибшего – ее звали Малика, одежда оставляла открытыми только ее глаза и кисти рук – согласилась ответить на вопросы Лудивины. Та тут же предложила женщине позвонить родне, попросить их приехать, побыть с ней, но вдова отказалась. А жаль: работать в присутствии родственников следователю сложнее, поскольку все вокруг пытаются защитить свидетеля, но зато правду о подозреваемом уже не так легко скрыть, потому что все слушают, что говорит главный свидетель, и добавляют к его рассказу что-то свое.

Малика отвечала на вопросы очень медленно. Она подтвердила, что муж не поддерживал никаких преступных связей, что пребывание в тюрьме его изменило, что он стал ответственным отцом семейства. Они познакомились, когда он

только вышел на свободу: их представил общий друг, это была любовь с первого взгляда, они сразу поженились, вскоре родился ребенок. Лоран потерял слишком много времени, потратил драгоценные годы, разрушая себя преступной деятельностью, и хотел наверстать упущенное. Малика едва сдерживала слезы в течение всего допроса, который Лудивина постаралась провести с особой деликатностью, которой требовала ситуация.

Лоран Брак работал в фирме, продававшей кондиционеры: он их устанавливал. Он нашел эту работу по знакомству, пройдя соответствующее обучение, на которое он поступил сразу после выхода из тюрьмы. Малика уверяла, что он был трудяга, уходил рано утром, никогда не жаловался на сверхурочную работу, поскольку она приносила лишние деньги – это им было на руку, ведь Малика не работала, занимаясь ребенком.

Она едва не вышла из себя, когда Лудивина спросила, встречался ли ее муж или поддерживал отношения с людьми, связанными с оборотом наркотиков. Нет, Лоран не знал даже тех, кто работал в их пригороде. Он вообще почти ни с кем не общался, понимая, что дурное окружение рано или поздно приведет его обратно в тюрьму. Он разорвал все связи с прежними друзьями, хотя те и сочли его дураком и эгоистом. Он стал хорошим, честным человеком, прекрасным мужем, прекрасным отцом, образцовым мусульманином. Отбывая свой последний срок, Лоран принял ислам.

Вера дала ему твердость, которой ему не хватало, рамки, которые не сумели установить для него родители. Но прежде всего она открыла ему истинное значение его существования, истинную суть нравственности, и он уже не мог их игнорировать. Отныне он сам отвечал за свои поступки – не перед обществом, которое презирал за то, что оно никогда ничего для него не делало, но перед самим Богом: а перед Ним он обязан был быть хорошим человеком.

Лудивине непросто было проявлять ожидаемое сочувствие, не теряя при этом необходимой дистанции и успевая набирать на ноутбуке, который она держала на коленях, отчет об услышанном. Вдобавок ко всему, ей приходилось вежливо заполнять паузы в разговоре, возникавшие, когда крошечный портативный принтер выплевывал листы, которые вдова должна была подписывать.

Внимательно вслушиваясь в стенания вдовы, Лудивина размышляла, не ведет ли этот путь в тупик. Лоран Брак действительно изменился, вера – и любовь, правда в меньшей степени, – сделали его другим человеком. И все же, когда они с Сеньоном вышли из квартиры и он спросил, что она обо всем этом думает, Лудивина целых три этажа не знала, что ему ответить. Все было слишком гладко. Весь рассказ Малики – она ни разу не сбилась, все аккуратно описала, несмотря на слезы и переживания, – казался заранее подготовленным, заученным. Сеньон согласился. Квартира показалась ему фасадом, за которым явно что-то пряталось. Слишком

много религиозных символов: на книжной полке – Коран, на стенах под стеклом – стихи Корана, записанные каллиграфическим письмом, а каждая подушка, каждый лоскуток окрашен в зеленый цвет Корана. Да, Лоран Брак уверовал в Аллаха, но обстановка в его квартире была слишком навязчивой. Все в его доме походило на декорации к хорошо отрепетированной пьесе, которую готовились сыграть, как только полицейские переступят порог дома.

Лоран Брак что-то скрывал.

Но Лудивина не понимала, была ли его жена соучастницей или же ей просто вешали лапшу на уши. Сеньон рассмеялся и напомнил коллеге, что в этой семье хозяйством занималась как раз жена и что жены довольно часто прикрывают мужей. Если за фасадом мирного, вновь обращенного мусульманина Лоран Брак скрывал какую-то преступную деятельность, его жена не могла об этом не знать – не при наличии таких декораций.

Теперь следователям предстояло изучить доходы семьи Брак, просмотреть распечатки звонков обоим супругам, узнать, где они были в течение всего дня и вечером в пятницу, составить примерный распорядок дня убитого, поговорить с его работодателем, составить список его друзей, проверить, действительно ли он посещал мечеть, опросить персонал тюрьмы, где он сидел, узнать о его поведении в заключении и так далее. Заниматься этим в праздники было непросто, так что Лудивина отправила Сеньона и Гильема

домой, к женам, до понедельника. Они заслужили небольшой отдых.

В субботу вечером Лудивина засела в кинозале с ведерком попкорна и посмотрела подряд два фильма, чтобы развеяться.

Но воскресенье тянулось без конца, наполненное скукой, пропитанное раздражением, которое Лудивина испытывала из-за того, что не могла продвинуться в работе. Жаль, но даже у истины и правосудия имелись рабочие и выходные дни.

Когда закончился дождь, девушка натянула спортивную одежду и отправилась на более чем часовую пробежку по промокшему асфальту. Горячая ванна после пробежки помогла ей наконец-то расслабиться. День она завершила, читая в постели роман Алессандро Барикко о человеке, писавшем море... морской водой. Неплохой сюжет.

Утро понедельника Лудивина встретила в конференц-зале ОР, где неоновые лампы пытались дополнить сероватый свет, с трудом пробивавшийся сквозь затянутое облаками небо. Напротив Лудивины сидели Сеньон и Гильем. Вошла Магали Капэль, привлекательная брюнетка с длинной челкой, в обтягивающих джинсах, за ней – ее команда, Бен и Франк: первый – лет сорока, лысый, с вечной сигаретой во рту, второй – лет пятидесяти, с военной выправкой, с коротким ежиком волос и идеально ровной щеткой усов.

Полковник Жиан закрыл дверь, и совещание началось. Изящный, спортивного вида полковник был крайне требо-

вателен как к себе, так и к подчиненным. Он потер ладони и предоставил слово Лудивине, предложив ей кратко описать события, произошедшие во время ее дежурства, и рассказать о новом расследовании. Когда она закончила, полковник спросил:

– Что у вас с педофилом из Дравея?

Речь шла об основном деле, которым занималась команда Лудивины до того, как они нашли труп на железнодорожных путях.

– Гильем готовит ловушку. Он притворился двенадцатилетней девочкой и переписывается с ним на форуме, – ответил Сеньон, который вел это дело. – Тип торопится, хочет с ней встретиться, говорит, чтобы она соврала и прогуляла школу, даже научил ее как. Они договорились о встрече утром в пятницу, собираются «развлечься».

– Прекрасно. Капэль, что у вас?

– Все то же групповое изнасилование двух подростков, полковник. И еще поджог склада шмоток в Мо.

– Дело движется?

– По поджогу есть новый свидетель, его надо допросить, но, если тут дело срочное, я передам свое расследование в Отдел по вопросам причинения вреда имуществу. Людо согласится, мы вместе работаем над этим делом с самого начала, хотя я и взяла его себе из-за нелегальной работницы, которая получила серьезные ожоги. А вот с изнасилованием дело застопорилось, они все отрицают, девочки не сразу по-

шли в полицию, так что никаких биологических материалов нам не собрать. Иными словами, будет непросто. Мы еще раз опросим всех по кругу, посмотрим, не удастся ли кого-нибудь расколоть.

Жиан выслушал отчет о педофилии, групповом изнасиловании, поджоге и даже убийстве, не шелохнувшись, не поведя и бровью. Он кивнул, явно испытывая гордость за своих ребят:

– Продолжайте работу. Мы снова все обсудим в середине недели. Дабо, поскорее заканчивайте с педофилом и полностью займитесь на убийством на железной дороге. Ванкер, это дело ведете вы.

– Да, полковник, – отозвалась Лудивина.

– Если понадобятся дополнительные силы, я проверю, как идут дела у группы Капель, а еще попробую освободить для вас Ива и его ребят. Но это может и не получиться.

– Думаю, мы и втроем справимся, полковник, – успокоила его Лудивина. – Ив собирает сведения об обороте наркотиков в районе, где жил Лоран Брак, он нам обо всем доложит. Если мне понадобится помощь, я вам сообщу.

В дверь постучали, в зал заглянула секретарша ОР:

– Полковник, вам звонят из Леваллуа, говорят, дело срочное.

На этом собрание завершилось, и все разошлись.

Войдя в кабинет, Лудивина собралась было сесть на свое место, но заметила новую игрушку из киндер-сюрприза: та

стояла ниже остальных на полке книжного шкафа. Лудивина развернулась к Сеньону и Гильему:

– Кто из вас двоих? Я должна знать, мне это страшно бесит!

Сеньон поднял руки перед собой в знак того, что он не при чем.

– Мы все время были с тобой с тех пор, как пришли, – заметил Гильем.

Лудивина направилась было в коридор – она собиралась ворваться в соседний кабинет и наброситься на Магали и ее соратников, – но наткнулась на чье-то крепкое тело и отлетела назад. Сильная ладонь удержала ее за руку, не дала упасть.

В дверях – против света, спиной к окну – стоял мужчина. Сначала Лудивина заметила лишь нависшую над ней тень, потом различила искусно взъерошенные волосы, квадратный подбородок, широкие плечи. И тут же до нее долетел его необузданный запах. Не пошлый одеколон, а сложная смесь ароматов, одновременно сильная и изысканная.

– Вы, должно быть, лейтенант Ванкер, – послышался хриловатый, но от этого не менее приятный голос.

– Да, да, – пробормотала она, отступая назад и освобождаясь от хватки, не давшей ей упасть, – а вы кто?

Обычно жандармов всегда предупреждали, что в связи с тем или иным делом, которое расследует ОР, в казарму кто-то придет. Никто не разгуливал по этажам вот так, без разрешения и объявления. К тому же, чтобы добраться до их

кабинета, нужно было миновать несколько электронных дверей. Этот человек был явно не со стороны.

– Марк Таллек.

Все собравшиеся в замешательстве рассматривали друг друга. Незнакомцу было лет тридцать: темно-каштановые волосы, нарочито небрежная прическа и легкая небритость, тонкий нос, а над ним внимательные глаза. Одет он был в поношенную парку цвета хаки, рубашку со стоячим воротничком и джинсы, которые сидели на нем как влитые. Он напоминал манекенщика, рекламирующего одежду какой-нибудь известной марки, с той лишь разницей, что не был явно красив – но очень харизматичен. От так и разил обаянием. Животным, но тщательно контролируемым обаянием.

– Вас не предупредили? – спросил он.

– Еще нет... Чем мы можем помочь?

Легкая улыбка придала лицу Марка Таллека почти дружелюбный вид:

– Все немного не так.

Он запустил руку во внутренний карман парки, вытащил черный кожаный бумажник и раскрыл его на официальном удостоверении.

– ГУВВ¹². Это я могу вам помочь в деле Лорана Брака.

¹² Главное управление внутренней безопасности, одна из спецслужб Франции. – *Прим. автора.*

Сеньон скрестил руки на широкой груди, Гильем поудобнее устроился в кресле, а их начальница отошла от двери в свой угол, подальше от вновь прибывшего.

Лудивина переваривала услышанное. ГУВБ: это сокращение всегда вызывало у нее тревогу. Символ мрачного произвола правосудия. Малопонятная организация, которая использует в работе одному богу известно какие методы и о которой ходят самые невероятные слухи. Спецслужба.

– Меня никто ни о чем не предупреждал, – в конце концов выдавила Лудивина, взяв себя в руки, но так и не понимая, что ее больше поразило – присутствие в ее кабинете сотрудника спецслужбы или его ошеломляющее обаяние.

– Мое начальство сегодня утром сообщило обо мне полковнику Жиану. Позвоните ему.

– Откуда вы знаете, что мы занимаемся Лораном Браком? – спросил Гильем.

– Мы за ним наблюдали.

В комнате воцарилось молчание, лишь далекий телефонный звонок где-то в соседнем кабинете свидетельствовал, что время все еще идет.

– Вы следили за ним, когда его убили? – нарушила молчание Лудивина.

Марк Таллек подтолкнул дверь, чтобы она закрылась, и,

сунув руки в карманы парки, встал посреди кабинета.

– Вы уверены, что это убийство? Вы отмели версию о самоубийстве?

Лудивина скривилась, нервно постукивая коротко остриженными ногтями по краю своего стола. В конце концов она кивнула:

– Господин Таллек...

– Марк, называйте меня Марк.

– Вы вот так заявляетесь к нам и спрашиваете, как продвигается наше текущее расследование. Никаких формальностей, никаких объяснений. Извините, но мы вряд ли сможем вам чем-то помочь.

Марк Таллек резко перевел взгляд со стены, которую внимательно изучал, на следователя. В его глазах было что-то странное, сбивающее с толка, но что именно – свет ли, сила или резкость – девушка никак не могла понять.

Зазвонил телефон, стоявший на столе Лудивины. При каждом новом звонке она лишь изумленно моргала, так что в конце концов Марку Таллеку пришлось жестом призвать ее ответить. Полковник Жиан кратко и властно сообщил ей, что с минуты на минуту к ним явится некий Марк Таллек, его следует учтиво встретить и во всем слушаться. Лудивине в порыве заносчивости захотелось спросить: «И повиноваться?», но она сдержалась – все-таки разговаривала с начальником – и промолчала. ГУНЖ¹³ и Леваллуа, где располага-

¹³ Генеральное управление национальной жандармерии.

лось ГУВБ, просили полного сотрудничества; по тону полковника Лудивина поняла, что на самом деле они не просили, а требовали. О расследовании предупредили даже БЖ-БТ, Бюро жандармерии по борьбе с терроризмом. Когда Лудивина повесила трубку, Марк Таллек сделал глубокий вдох и его замкнутое лицо вдруг осветила вежливая улыбка.

– Мне жаль, что все происходит без соблюдения формальностей, на скорую руку, но этого требует ситуация. Начну сначала: меня зовут Марк.

На этот раз он протянул руку всем следователям, Лудивине – в последнюю очередь.

– Почему ГУВБ интересуется Лораном Браком? – спросила она безо всяких приветствий.

Марк кивнул.

– Отлично, давайте я все объясню. Мы держим его под наблюдением всего несколько месяцев. Брак какое-то время сидел в тюрьме «Френ». Там он обратился в ислам, причем выбрал не привычную, толерантную его версию, но самую радикальную его ветвь. Вы знакомы с этой темой?

Лудивина, а следом за ней Сеньон, покачали головами.

– Если коротко, – продолжил Марк Таллек, – то ваххабиты – это мусульмане-сунниты, фундаменталисты, стремящиеся вернуться к первоначальной версии ислама, к «жесткому» исламу, как мы могли бы сказать с позиции наших, западных представлений о мире. Ваххабиты – по большей части квиетисты, они строги, несгибаемы и, скажем так, арха-

ичны, но при этом совершенно не симпатизируют движениям, проповедующим насилие. Нас же интересуют те, кто заигрывает с политикой. Такие люди могут со временем стать радикальными ваххабитами – революционерами, исламистами или, как мы их называем, террористами. Во французских тюрьмах много ваххабитов, их строгое учение пользуется там большой популярностью. Оно создает рамки, устанавливает правила и предлагает четкое видение мира всем тем, кто ничего подобного никогда не имел. Такой подход структурирует, вселяет в человека уверенность в себе, направляет его. Наша задача – понять, какой именно тип фундаментализма человек впоследствии будет исповедовать. Если мы имеем дело с квиетистами, – а таких большинство, – то обычно мы просто приглядываем за вновь обращенными. Да, эти люди действительно суровы, но они «воспитаны» в ненависти к революционному ваххабизму, который выбирает неверный путь активного действия. А вот если, напротив, заключенный исповедует более политизированный вариант ваххабизма, порой даже исламизм, то мы берем его под пристальное наблюдение. Проблема, понятно, состоит в том, что самые радикальные исламисты обычно в ожидании своего часа скрываются под маской квиетистов.

– Разве фундаментализм у нас вообще не запрещен? – удивился Гильем.

– Не совсем. На первом месте у нас свобода слова и вероисповедания. До тех пор пока слово не становится инстру-

ментом для призывов к ненависти или насилию. Насколько мне известно, католики-фундаменталисты, выступающие против аборт и равноправия сексуальных меньшинств, за то, чтобы женщины знали свое место, а люди считались потомками не обезьян, а Адама и Евы, тоже не запрещены. Во Франции примерно пять процентов от всех мест отправления исламского культа считаются имеющими отношение к ваххабизму – а это совсем немного.

– А сколько всего у нас мечетей? От чего отсчитывать эти пять процентов?

– Мечетей, или домов молитвы, во Франции порядка двух с половиной тысяч. Сравните примерно с пятьюдесятью тысячами католических церквей и соборов, и вы сразу поймете, как легко одернуть тех, кто болтает, что устои религии во Франции сильно пошатнулись.

– И при чем же здесь Лоран Брак? – вмешалась Лудивина.

– Классическая тюремная история. Вербовщики от ваххабитов очень хитры. Обычно они отбирают самых уязвимых, одиночек и устраивают своей мишени какие-нибудь неприятности. Когда парень доходит до точки, они приходят к нему, словно добрые самаритяне, берут его под крыло, успокаивают, начинают оберегать, а заодно промывать ему мозги. Постепенно он становится одним из них. Несколько лет в тюрьме длятся вечно, если вы постоянно чувствуете угрозу – и днем, и ночью. Без защитника, без семьи самые слабые не выдерживают. Но братья-ваххабиты оказываются рядом,

поддерживают, помогают им стать такими же, как они, обрести силу в религии. Их мишень – парни без внутреннего стержня, часто выросшие без отца, те, кому не на кого равняться, у кого нет ни единого ориентира и представлений о границах дозволенного, кто не видит никакого смысла в жизни. Братья-ваххабиты показывают им, что ислам может дать им все – и путь, по которому им следует идти, и рамки, которые следует соблюдать, – нужно лишь верить и действовать, а все пробелы заполнит религия. Человек принимает ислам, потому что наконец-то чувствует, что живет, что обрел свое место, что весь мир вокруг него четко выстраивается в соответствии с его новой верой. А когда он выходит на свободу, все продолжается! Ему находят работу, а если он не женат, то и жену, и парню кажется, что у него наконец есть семья, есть кодекс поведения и цель в жизни, а государство ничего для него не делало и лишь пыталось сломать. Вот так.

– Как вы вышли на Брака? – спросил Сеньон.

– Сопоставили факты. Его имя было в списке заключенных, которых посещал один известный имам – а мы за ним приглядывали. Правда, Брак был всего лишь рыбкой в океане, так что мы решили пока оставить его в покое. Но три месяца назад мы вышли на человека, который из-за границы вел жесточайшую пропаганду ислама в интернете. Отследив комментарии к его видеороликам, мы вышли на Лорана Брака под псевдонимом. В итоге у нас на руках оказался недавно обращенный мусульманин скорее радикального толка, кото-

рый ходит к имаму, известному своими не самыми сдержанными высказываниями, и постит одобрительные комментарии к роликам вербовщика-ваххабита, близкого к радикальным исламистам. Для нас это означало, что он перешел на другую сторону. Поэтому мы решили за ним следить.

– Физически? – поинтересовался Гильем.

Марк покачал головой:

– Нет, для этого у нас нет человеческих ресурсов. Дела под грифом S у нас заведены больше чем на двадцать тысяч человек, из них больше половины имеют связи с радикальным исламом. Мы не можем приставить целую команду к каждому подозреваемому, ведь нам от них просто некуда деваться. Для постоянного наблюдения за одним подозреваемым требуется около двадцати человек – вот и считайте. В случае с Лораном Браком мы вели базовое наблюдение: отслеживали его цифровой след, то есть точно проверяли звонки, поглядывали за его поведением в интернете, проверяли, посещает ли он сайты радикальной направленности, смотрели, что он там пишет, что ему нравится, время от времени вели полевые наблюдения, выясняли, как он связан с другими опасными людьми, составили даже общий портрет его окружения и определили его место среди известной нам части ваххабитской вселенной. (Слишком сильно, да?) В общем, его имя есть у нас в базах данных: если оно выскакивает, мы начинаем беспокоиться, а если все тихо, то просто время от времени проверяем, как у него дела. Это лучшее, на что мы

способны, учитывая наши средства.

– То есть вы не знаете, где Брак был в четверг и пятницу на прошлой неделе? – подвела итог Лудивина.

– Я могу проверить его звонки, но вы наверняка уже сами это делаете.

– Опять звонки... – разочарованно выдохнул Гильем.

– Хорошо, значит, Лоран Брак есть в ваших базах, – продолжила Лудивина. – Но как вы так быстро вышли на нас?

– За последние два дня вы связались с кучей людей, вы перерыли все возможные базы, так что, можно сказать, у нас сработал сигнал тревоги. Поэтому я здесь. А теперь я задам главный вопрос: его убили?

– Расследование еще идет, – уклончиво ответила Лудивина, которой никак не удавалось расслабиться в присутствии Марка.

Она ненавидела, когда в ее работу вмешиваются извне, особенно не предупреждая об этом заранее. В таких случаях ей казалось, что за ней самой следят.

Марк Таллек кивнул со скептическим видом.

– Послушайте, меньше всего мне хочется быть балластом, который повесили вам на шею. Давайте начистоту: это ваше расследование, и музыку заказываете вы. Я здесь для того, чтобы с вашей помощью понять, что случилось с Браком. Как только я пойму, что все это никак не связано с работой нашей службы, я исчезну, и вы обо мне больше не услышите. Годится?

– Хотите сказать, это не просто визит вежливости? Вы остаетесь здесь, с нами? – изумился Сеньон.

Таллек обнажил зубы в хищной улыбке.

– И буду рядом днем и ночью, – ответил он. – Я ваш новый любимый коллега.

– Мне с самого утра все твердят про Леваллуа. Там располагается ГУВБ? Если ваше начальство договорилось с моим, я могу лишь подчиниться, – подытожила Лудивина. – С другой стороны, вы и сами заметили, у нас тут тесно, свободного стола нет, так что вам придется самому искать себе рабочее место.

Улыбка Марка Таллека из циничной стала просто приятной.

– Я умею быть незаметным.

Лудивина не была в этом уверена.

Ей не нравилось, когда ее к чему-то принуждали, но еще больше она ненавидела, когда ее считали душой. Неужели ГУВБ всегда отправляет своих агентов на место событий, как только исчезает один из парней, на которого заведено дело под грифом S? Можно следить за расследованием со стороны, можно требовать подробные отчеты, но Лудивина чувствовала, что тут есть еще что-то, о чем ей не говорят. Спецслужбы, религиозный фанатизм, темные места – поводов для беспокойства было множество.

Это дело пахло все хуже.

Гул машин стихал по мере того, как Лудивина уходила все дальше и дальше в глубь парка Бют-Шомон. Первые осенние холода добрались до столицы, расцветив деревья в парке коричневыми и оранжевыми тонами. На пути Лудивине встречались в основном женщины – одинокие или гулявшие небольшими группками, они толкали перед собой детские коляски. Еще ей попалась на глаза пара бегунов или кучка молодежи. В этот понедельник, ранним ноябрьским вечером, парк казался островком дикой природы, дрейфующим посреди океана цивилизации, от серых фасадов которой Лудивина с каждым шагом удалялась.

Значит, обращение в ислам не было красивым фасадом, призванным создать образ, который отводил бы от Брака любые подозрения и позволил бы ему вернуться к преступной деятельности. Весьма содержательный рассказ Марка Таллека убедил Лудивину, у нее не было причин не верить этому объяснению.

«Сотрудник ГУВБ, – проворчала она про себя. – С кем только не приходится сталкиваться на работе... Но надо сосредоточиться на главном».

Если Брак – исламский фундаменталист, как связано его убийство и наркотики? Она не слишком четко представляла себе, что могут, а чего не могут делать радикальные ислами-

сты, но продажа наркотиков явно не входила в список добродетелей прилежного мусульманина. Может, он пытался бороться с наркотиками в своем районе? Или его старые знакомые не забыли о его криминальном прошлом? Могло быть как угодно, так что Лудивина очень надеялась на данные, которые должен был собрать Ив. Если у Бригады по борьбе с наркотиками нет никаких сведений о Браке, она точно ничего не сумеет найти сама, это слишком закрытая среда.

Оставался вариант с терроризмом. ГУВБ не просто так лезло в это дело. Их почему-то интересовал Брак, но Лудивина мало что в этом понимала, помимо того, что деньги и наркотики часто используют для финансирования самых разных вещей, в том числе и деятельности религиозных экстремистов.

Она так и не додумалась ни до чего нового.

За листвой проглянули резкие контуры скал, показался небольшой храм, стоящий на самом верху каменистого пика на островке Бельведер. Лудивина уже давным-давно не заходила в глубь парка: перед открывшимся видом она остановилась как вкопанная. Трудно было поверить, что это все еще Париж. Эти склоны, метров на тридцать возвышающиеся над водой, покрытые растительностью, увенчанные беседкой из белого камня, похожей на крошечный римский храм, который забросило сюда по воле или по ошибке истории, и подвесной мост, ведущий на остров, – все здесь казалось сошедшим со страниц волшебной сказки.

Странное место для встречи, можно сказать романтичное...

– Вам нравится?

Марк Таллек появился откуда-то из-за спины Лудивины.

– Честно говоря, я здесь почти не бываю. А зря.

Марк протянул ей сэндвич, сам развернул другой.

– Спасибо, – сказала она. – Почему вы хотели встретиться здесь?

– Думал познакомиться с вами на нейтральной территории.

– Не обижайтесь, но вы сами сказали, что исчезнете, как только выясните, как погиб Брак. Я собираюсь раскрыть это дело месяца за три, поэтому знакомиться...

Марк Таллек молча смотрел на нее, жуя бутерброд. Он был гораздо выше Лудивины, и она вдруг ощутила себя совсем маленькой – непривычное для нее чувство. В пристальном взгляде этого человека, в его позе было нечто смущавшее ее.

– Давайте пройдемся, – чуть ли не приказал он, поворачивая к одной из дорожек.

Лудивина вдруг осознала, что с тех пор, как он появился в ее кабинете, она только и делала, что ставила его на место. Она точно не гордилась тем, что так себя вела. Она решила показать себя откровенной:

– Извините, если я не кажусь вам дружелюбной, но все дело в том, что... вы явились без предупреждения, вас нам

навязали, а мы так обычно не работаем.

– Я все понимаю. Это никому не нравится. Я сделаю все для того, чтобы мое присутствие вам не мешало.

– Будете просто наблюдать?

Таллек качнул головой.

– Скажем так... я буду выполнять все ваши указания, но, если потребуется, позволю себе брать дело в свои руки.

– А я думала, это я заказываю музыку.

– Именно так, за исключением деликатных ситуаций, относящихся к моей компетенции.

– Не обижайтесь, но я не уверена, что мое начальство это позволит.

– Не обижайтесь, лейтенант, но ГУНЖ и Леваллуа уже обо всем договорились. Это исключительный случай, временное сотрудничество в интересах всего государства. Кстати, «сотрудничество» означает, что в нем активно участвуют обе стороны.

Лудивина откусила три куска сэндвича подряд, пытаясь скрыть охватившее ее раздражение. Спустя пару минут Таллек прервал воцарившееся молчание:

– Я читал ваш послужной список. Впечатляет.

– Везет вам. А я о вас вообще ничего не знаю. Таллек – ваша настоящая фамилия?

– Почему вы спрашиваете? Конечно, это...

– Вы из спецслужб, вот почему.

Он коротко и сухо рассмеялся.

– Не стоит верить всему, что показывают в фильмах. Меня и правда зовут Марк Таллек, я немного старше вас, разведен, детей нет, родился в Ренне, магистр права. Я поступил на службу в полицию, был офицером, а затем попал в ГУВБ, где занимаюсь в основном делами радикалов, как вы наверняка уже поняли. Иными словами, классическая биография. Ничего особенного. Теперь вы имеете некоторое представление о том, кто я такой.

– Если только все это правда...

Таллек замер.

– Прошу вас, давайте не будем вот так начинать, – нервно бросил он. – Все, что я вам когда-либо скажу, – правда. Все и всегда. Я скорее умолчу о чем-то, чем совру вам. Полагаю, о чем-то умолчать придется, но это случится либо в интересах той и другой стороны, либо потому, что у меня не будет выбора. Но я всегда буду с вами честен. Я вам не враг.

Лудивина долго изучала его лицо. Затем медленно кивнула:

– Хорошо. Я обещала себе, что больше не буду строить с мужчинами отношений, основанных на неискренности. Наверное, это относится и к вам.

Таллек усмехнулся:

– А вы прямолинейны.

Они пошли дальше.

– Что еще у нас на повестке дня? – осведомилась Лудивина.

– Вы ведете дело, вы и скажите.

– Я хотела собрать данные об окружении Лорана Брака и его жены. Сможете нам помочь? У вас уже есть все данные; я полагаю, что в ГУВБ имеется весьма полная и уникальная база данных...

Таллек быстро покачал головой:

– Нет. В лучшем случае я могу подтвердить полученные вами сведения. Если я что-то знаю, то могу задать вам верное направление, чтобы вы сэкономили время. Но вы не получите доступ к СОВе, она работает только на нас.

– К сове?

– К нашей базе данных. «Сбор и обработка внутренних данных для обеспечения безопасности территории и соблюдения интересов государства».

– Ясно, – сказала Лудивина, смиряясь с разочарованием. – Я говорила с прокурором, он будет следить за ходом расследования по телефону.

– Но ведь дело не возьмет прокуратура по борьбе с терроризмом? Хотя бы с этим мы определились?

Лудивину смутило, как пылко Таллек задал ей этот неожиданный вопрос.

– Э-э, нет, на данный момент ни о чем подобном речи не было. У вас с ними какие-то проблемы?

– Вовсе нет. Мне бы хотелось, чтобы это дело оставалось в тени, по меньшей мере пока нет никаких поводов для волнения. Мне проще работать, если у меня развязаны руки.

Лудивина не слишком поняла, что именно он имеет в виду, и решила просто продолжить:

– Прокурор не хочет, чтобы мы проверяли все образцы ДНК, собранные вокруг тела, на это нет денег. В особенности если жертва – какой-то нарик, а он, похоже, думает именно так. Он разрешит мне сделать несколько анализов, если я докажу, что это необходимо, но раз уж я могу разыграть всего пару джокеров, мне нельзя ошибиться, так что лучше подождать. Как только первичное расследование завершится, дело перейдет к судье, который решит, что мы будем, а что не будем делать, но это случится только через пару недель. Запустить всю процедуру – тоже небыстрое дело. Но мы не станем сидеть сложа руки. Мы сосредоточимся на телефонных разговорах Браков. Я попросила также узнать, есть ли камеры наблюдения в зоне, где было обнаружено тело или хотя бы вблизи от спуска к путям, но вряд ли что-то найдется. Не знаю, как там у вас все работает, но если бы вы могли намекнуть нашему прокурору, что мы бы не отказались от дополнительного финансирования...

– Кажется, мы друг друга не поняли: для прокурора это дело *ваше*, я не буду в него лезть.

Лудивина вытаращила глаза.

– То есть? С точки зрения закона...

– Если будет повод, прокурор со мной встретится, но ГУВБ работает совсем не так, как вы. Я связываюсь с судом, обращаясь за помощью, только когда нахожу что-то дельное,

потому что моя деятельность хранится в полнейшей тайне. Пока я сам не решаю, что пора привлечь к делу органы правосудия, я работаю сам по себе, в своем уголке, безо всякой связи с судом. Я действую тихо – это быстрее и эффективнее. Отчитываюсь только перед непосредственным начальством. Вот почему мне хотелось бы, чтобы прокурор не узнал о моем присутствии, если только в этом не будет крайней необходимости, – потому что, как только я официально окажусь в этом деле, все сильно усложнится. Поймите, мы в ГУВБ обычно действуем самостоятельно и ни о чем не сообщаем судам до тех пор, пока нам не потребуется от них ордер на арест: тогда колеса судебной системы начинают вращаться и вся наша тайная деятельность выходит на поверхность. С этого момента дело больше не лежит в нашей компетенции, им начинает заниматься юстиция, а мы исчезаем.

Лудивина медленно кивнула, словно пытаясь осознать, что именно все это значит для нее.

– Ясно. Но я-то должна отчитываться о своей деятельности перед судом согласно четким инструкциям, так что не ждите, что я стану их нарушать.

– Естественно.

Они доели свой обед и еще немного прошлись по этому небольшому лесу, устроенному на востоке французской столицы, поднялись на мост над глубокой расселиной, по дну которой шла старая, давно заброшенная железная дорога, заросшая высокой травой и плющом. Марк облокотился на па-

рапет. Лудивина поняла, что под ними Малая кольцевая железная дорога, не работающая примерно с 1930-х годов. Ей стало ясно, что Таллек с самого начала знал, куда ее приведет.

– Притворитесь, что мы пара.

– Простите?

– Подойдите ко мне. Никаких нежностей, не беспокойтесь, они как раз выглядят гораздо подозрительнее.

Лудивина сдержанно, но с явным любопытством взглянула на Марка и, приблизившись к ограде, облокотилась на нее совсем рядом с ним.

– Вы с самого начала знали, что приведете меня сюда. Что же я должна увидеть? – тихо спросила она.

– Мы пришли чуть раньше, но ждать уже недолго.

Лудивина поняла, что все произойдет на железнодорожных путях, и принялась разглядывать их, не желая ничего пропустить. Место напоминало то, где был обнаружен труп Лорана Брака, но здесь природа сумела многое отвоевать у человека. Давно заброшенная железная дорога, туннель, прохожие оказываются тут редко. Да, место очень похожее.

Вдруг прямо у них под ногами из-под моста вышел человек в серой толстовке. Он прошел вдоль стены и остановился у входа в туннель, откуда появились еще три человека в спортивных костюмах. Капюшоны скрывали большую часть их лиц, но Лудивина сразу заметила, что на вид им всем не больше тридцати лет. Еще двое пролезли через дыру в огра-

де парка, спустились по склону к самой железной дороге и присоединились к товарищам. Они что-то обсудили, а затем встали в круг и принялись разминаться.

– Кто они? – осведомила Лудивина.

– Местная молодежь.

– В этом я не сомневаюсь. Но что они здесь делают?

– Готовятся. Все они у нас под наблюдением. Все выступают за возвращение к древнему исламу, с применением принципов шариата. Они считают, что Исламское государство – это их угнетенные братья. Почти все хотели бы к ним присоединиться. Возможно, если у них получится, они так и сделают.

– И они все на свободе?

– Они следят за тем, что говорят на публике. К тому же пока нам нечего им предъявить, а встречаться с друзьями в парке и вшестером заниматься спортом никому не воспрещается.

– Разве поддержка Исламского государства – недостаточная причина для ареста?

– За прошедшие годы было раскрыто несколько аналогичных ячеек, через них прошли некоторые известные террористы. Но эти парни учатся на ошибках своих предшественников. Они тщательно следят за тем, что говорят в интернете, не слишком рьяно проповедуют на улицах, почти ничего не пишут друг другу в эсэмэс. Иными словами, они знают, что мы где-то поблизости... Да, кстати...

Тот, кто казался лидером группы, темнокожий парень ростом под метр девяносто, обернулся и пристально взглянул на стоящую на мосту пару. Марк Таллек тут же обнял Лудивину за плечи и поцеловал ее в лоб.

– Ничего личного, – прошептал он, – я лишь придаю правдоподобности нашему прикрытию.

– Правдоподобности маловато, – ответила Лудивина, широко, напоказ улыбнулась ему и поцеловала прямо в губы.

Когда Лудивина оторвалась от его губ, лицо Марка Таллека не выражало ровным счетом ничего, но по его глазам она поняла, что он удивлен, даже растерян, и обрадовалась, что ей удалось хоть в чем-то, хоть на время взять над ним верх. «В этой игре у каждого свое оружие, – с вызовом подумала она, – и ты, дружок, не знаешь, с кем связался». Она была не из тех, кто легко сдается, даже наоборот, – особенно если при этом ей удавалось сполна себя показать. Лудивину Ванкер нелегко было впечатлить, она умела продемонстрировать собственное превосходство.

Высокий темнокожий парень продолжил тренировку: шестеро молодых людей разбились на пары и принялись отрабатывать элементы рукопашного боя. Захваты, удары кулаками и ногами, более ожесточенные приемы вроде серии ударов по предплечьям или по голениям, и так далее.

– Не могу представить себе, что вы знаете, кто они такие, что замышляют, и не делаете ничего, чтобы их задержать, – выдохнула Лудивина, глядя на этих решительно настроен-

ных парней.

– У нас на них почти ничего нет. За что нам их сажать? За чересчур пылкую коллективную веру? Я уже сказал вам, эти ребята куда осторожнее своих предшественников. Мы вычислили их, потому что они посещают находящиеся под наблюдением места отправления культа, потому что вот так вот вместе тренируются. От наших источников мы знаем, что некоторые из них хотели бы уехать в Сирию и бороться там вместе с братьями. Но этого слишком мало, у нас нет никаких реальных доказательств.

– А если завтра двое из них перережут полквартала во имя собственных убеждений?

Марк скривился.

– Такой риск есть... Но не забывайте, мы защищаем демократию. Мы живем в свободной стране, где каждый имеет право отстаивать собственные религиозные убеждения, в том числе и радикальные, до тех пор пока не начнет непосредственно призывать к насилию. Нет, все-таки почему мы должны сажать в тюрьму этих парней, но оставлять на свободе тех, кто проповедует самое радикальное христианство? Тех, кто хочет запретить противозачаточные таблетки, аборты, выступает против гей-браков, тех, кто чуть что кричит, что готов ехать в Сирию и бороться против Исламского государства... Радикалами могут быть сторонники всех религий. Мы живем в демократической стране и имеем право на собственные убеждения до тех пор, пока не начинаем при-

зывать к ненависти и насилию.

– Обстоятельства таковы, что у нас есть все основания опасаться этих шестерых бойцов.

– Вот почему мы приглядываем за ними, как можем, пусть даже и не идеально – денег-то нет. Если мы арестуем их превентивно, будьте уверены, от этого станет только хуже: эти шестеро станут во все горло вопить про диктатуру, притеснение религии, про то, что они ничего не сделали, что их изолировали от общества за одни лишь религиозные убеждения, и в силу отсутствия у нас действительно веских улик они даже будут не совсем не правы. Сами подумайте, какое влияние подобные события могут оказать на маргинальных представителей молодежи: это наверняка толкнет их к радикализму... В умелых руках подобная ситуация позволит привлечь раз в десять больше сторонников, чем мы видим сейчас перед собой. Мудрые вербовщики будут использовать ее, чтобы доказать, что Франция – насквозь прогнившая страна, враждебно настроенная по отношению к исламу, бросающая в тюрьму мусульман, ближе всех подошедших к пути, который завещал Пророк, и так далее... Нет уж, поверьте мне, если мы выберем самое простое решение, то, скорее всего, крупно проиграем.

– И значит, пусть они гуляют на свободе, а вы просто будете за ними присматривать?

Таллек пожал плечами.

– Мы делаем все, что в наших силах. Никто не говорит,

что у демократии нет своих проблем и недостатков. И наши нынешние враги ловко их используют. Но я хочу кое-что прояснить. Здесь их шестеро. Вполне вероятно, что трое или четверо из этих паршивцев нашли в религии духовное убежище, семью, – но она не изменила их радикально и они никогда не станут реальной угрозой. Возможно даже, они, наоборот, никогда не обратятся к преступности, и в конечном итоге общество от этого только выиграет. Но для нас важно понять, кто среди них настоящий радикал. Кто готов – или скоро будет готов – перейти от слов к действию. А если мы посадим всех шестерых, то своими руками создадим банду из шести радикалов.

– Хорошо, а при чем тут Лоран Брак?

– Это вы мне скажите. Связана ли его смерть со всем этим? С его знакомыми из криминального мира?

– А если да, то кем он был? – тут же продолжила Лудивина. – Пусть и паршивой, но все же безобидной овцой или безжалостным волком?

Марк Таллек живо повернулся к ней.

– Вы все верно поняли. Я хочу знать, не стояла ли за ним какая-то сеть и не скрывается ли за его смертью что-то куда более масштабное.

Бойцы под мостом закончили тренировку, обменялись рукопожатиями и опустились на колени, чтобы помолиться.

За три дня рабочая группа в составе Гильема, Сеньона и Лудивины сумела «собрать окружение» Лорана Брака: составить разветвленную схему людей, с которыми погибший и его семья более или менее регулярно контактировали, и в общих чертах разобраться, что это были за отношения в каждом конкретном случае. Созданная за столь короткое время схема была поверхностной, неполной и, вполне возможно, содержала ошибки, но нужна была хоть какая-то отправная точка.

К большому сожалению Лудивины, Бригада по борьбе с наркотиками не обнаружил ничего, связанного с Браком или его близкими: никто из бригады также ничего не знал о жертве.

АКБ, обрабатывавшая зону, где было обнаружено тело, тоже ничем не смогла помочь: в окрестностях не оказалось ни единой камеры наблюдения. В свою очередь, Сеньон проанализировал доходы Брака по зарплатным ведомостям, которые предоставила компания, где тот работал, и пришел к выводу, что эти доходы вполне соответствовали скромному образу жизни семьи.

Наиболее удобным средством для того, чтобы составить общее представление о круге общения жертвы, как всегда, была проверка телефонных разговоров. Все номера внесли

в программу Analyst Notebook, которую Гильем использовал для сопоставления сотен, а порой и тысяч разных элементов, всплывавших в ходе расследования каждого дела. В программу можно было внести все: имена, телефоны, номера машин, так что получалась целая база данных по конкретному расследованию. Если между какими-то двумя элементами в базе имелось хоть какое-то сходство, программа сразу же об этом сообщала – а человек такое сходство мог и пропустить, особенно когда речь шла о десятках тысяч цифр, к примеру о телефонных номерах, по которым несколько подозреваемых звонили на протяжении многих месяцев.

Анализ входящих и исходящих звонков Лорана Брака, их геолокации, а также его трудового графика, предоставленного работодателем, позволил составить более точное представление о том, каким он был человеком. Явно работающим. Пунктуальным и уважающим других людей. Большинство его сообщений были адресованы жене, начальнику и клиентам. В целом из его телефонных разговоров и эсэмэс не удалось извлечь почти ничего интересного. Всего пара звонков абонентам, которых жандармы сочли его друзьями, – получалось, что друзей у него было совсем немного. Не нашлось и никаких подтверждений того, что он бывал хоть где-то помимо работы и дома.

Тогда Лудивина предположила, что он мог иметь второй, незарегистрированный телефонный номер, работающий по карточкам предоплаты. Был всего один способ проверить эту

гипотезу: провести полный обыск в доме Брака, рискуя окончательно восстановить против себя вдову и привлечь внимание всех, кто мог тайно наблюдать за квартирой. Лудивине не хотелось идти на такие меры, особенно ввиду того, что они вряд ли могли что-то там найти.

– Давайте я проверю, не было ли у наших служб ловца IMSI в том районе, вдруг что обнаружится, – предложил Марк Таллек.

– Ловца чего? – переспросил Сеньон.

– Это система, которую устанавливают в машине и которая работает как обычный ретранслятор, собирая все данные с мобильных телефонов в районе, где находится. Удобно, если нужно взять след подозреваемого, у которого есть зарегистрированный телефон, или если нужно следить за ним в режиме реального времени. К тому же если сопоставить данные, полученные системой, можно собрать разную дополнительную информацию – например, об использовании prepaid-телефона, официально не зарегистрированного на имя подозреваемого.

Но после проверки Марк Таллек сообщил, что в районе, где жил Брак, не работало ни одной подобной системы.

Лудивина не получила разрешения на анализ всех образцов ДНК, собранных на месте преступления, но кое-чего ей все же удалось добиться: телефон вдовы поставили на прослушку. Национальная платформа перехвата данных в судебных целях занималась централизацией всех запросов на

прослушивание, а затем выступала в качестве посредника между телефонными операторами и следователями. В полиции и жандармерии НППД чаще всего вызывала насмешку – но порой и тревогу. С момента создания платформы в ней то и дело возникали сбои, но всех беспокоило даже не это: многие недоумевали, почему прослушиванием телефонных разговоров граждан Франции не руководит и не занимается непосредственно судебная администрация? Почему в центре всей системы прослушивания стоит частная компания «Талес», один из крупнейших в стране поставщиков оружия?

К счастью, на этот раз система сработала как надо: чтобы прослушивать звонки и перехватывать эсэмэс в реальном времени, с компьютера, достаточно было подключиться к системе по полицейскому удостоверению. Правда, Лудивине быстро пришлось признать, что прослушка ничего им не даст. Малика Брак много говорила по телефону со своей семьей. Она не понимала, почему Лоран умер. Кроме того, она звонила нескольким мужчинам из своего квартала, задавала вопросы, просила, чтобы они помогли ей во всем разобраться, но никто не знал, что ей сказать, кроме того, что такова была воля Аллаха и что эту волю следует уважать. Большинство собеседников Малики посещали мечеть, в которую ходил Лоран Брак, – особо ничем не примечательное место. И Брак, и его жена явно были очень религиозны, и ничто не указывало на их связь с оборотом наркотиков.

Полицейские легко восстановили все перемещения Мали-

ки в день, когда был обнаружен труп, и решили, что она никак не связана со смертью мужа.

В среду пришел полный отчет о вскрытии. Анализ на содержание наркотических веществ отрицательный, в организме – никаких следов наркотиков. Зато выводы, касающиеся непосредственно тела, представляли куда больший интерес. Явные следы пут на запястьях и щиколотках, обширные кровоподтеки на этих же участках тела не оставляли никаких сомнений: жертву связали еще при жизни. Смерть наступила днем или даже поздним утром.

Труп обнаружили в одиннадцать вечера, после того как по нему проехал поезд: значит, его где-то довольно долго держали. Машинисты других поездов, шедших по тому же маршруту в течение дня и вечером, не видели возле путей никого и ничего подозрительного. Но что убийца – или убийцы – все это время делали с трупом? Почему сразу же не избавились от него? К тому же и само место, где оставили труп, было необычным. Лудивина чувствовала, что эти детали очень важны.

В отчете о вскрытии также говорилось, что на ногти жертвы были наклеены фрагменты чужих ногтей, возможно принадлежавших нескольким людям, поскольку все они выглядели совершенно по-разному, имели разную длину, а некоторые вдобавок были покрыты лаком. Лудивина обвела эти слова красным и подписала рядом крупными буквами: «ДНК?» – хотя и сомневалась, что по столь небольшим

фрагментам, к тому же, возможно, отмытым, можно составить хоть чей-то генетический профиль.

Помимо этого, судмедэксперт обнаружил на голове у трупа несколько отрезанных прядей. Простого сравнения под микроскопом оказалось достаточно для того, чтобы, подтвердить: эти волосы не принадлежали жертве. Волосы были разного типа, но схожих оттенков. Судмедэксперт выявил не менее шести разных типов волос, полученных от шести разных людей, но ни единой волосяной луковицы, а без них об анализе ДНК не могло быть и речи.

Труп разлетелся на куски, когда по нему проехал поезд, однако некоторые фрагменты почти не сдвинулись с места, а их чистота и сильный запах хлорки заставляли предположить, что перед тем, как оставить труп на рельсах, его полностью продезинфицировали.

Смерть наступила от асфиксии в результате удушения при помощи нескольких тонких и длинных предметов, которые затягивали так сильно, что они глубоко, до крови, врезались в кожу. Судмедэксперт упомянул «нечто напоминающее зажимной хомут»: хомутов, судя по всему, было три, их расположили вплотную друг к другу, а позднее разрезали инструментом, напоминающим ножницы. Все это удалось понять по следам на теле.

Конец отчета о вскрытии.

Снимки фрагментов трупа, сделанные на месте преступления. Грамотно распределенные пятна чернил на белой бу-

маге, небольшая стопка, скрепленная за уголок. Лудивина видела кровь на коже. Движения и эмоции. Растерянность... смятение... ужас... Но еще и другое: возбуждение. Контроль. Выброс адреналина. Превосходство. Эмоциональную разрядку. Структуру. Навязчивую идею.

Извращение.

Вот что Лудивина думала об этом месте преступления.

Ни в чем не было логики, ничто не имело смысла. Сочетание невероятной неумолимости и необъяснимых прихотей воображения.

Чем больше Лудивина обдумывала убийство Лорана Брака, тем сильнее чувствовала, что в нем присутствует какой-то жуткий ритуал. Не инсценировка, призванная одурачить следователей, но скорее акт, продиктованный личными нуждами. Интимная связь с телом. Это привело Лудивину к мысли, что убийца был один. Невозможно так полноправно распоряжаться мертвым телом, дать такую свободу собственному воображению, если рядом находятся другие люди.

Трое жандармов сидели за крошечным столиком кафе на площади Порт-де-Баньоле в компании Марка Таллека, не вынимавшего рук из карманов зеленой парки. В кабинете было слишком тесно, Лудивине хотелось проветриться: вот почему она организовала эту встречу за стенами казармы.

– Дело не связано с наркотиками, – подытожила она, изложив все, что им удалось узнать.

– Почему вы так считаете? – спросил Марк.

– Не сходится. Это преступление совершил больной человек, а не дилер.

– Продолжайте...

Лудивина поставила локти на стол и наклонилась к трем мужчинам:

– Убийца с полдня продержал у себя труп и лишь потом положил его на рельсы.

– Потому что не хотел, чтобы его заметили среди бела дня, – прервал ее Сеньон. – Он дожидался темноты.

Лудивина подняла большой палец.

– Вполне возможно, вот только за эти полдня он наклеил Лорану Браку куски ногтей, которые неизвестно где взял, и впутал ему в волосы пряди волос других людей.

– Других жертв? – уточнил Сеньон, слишком хорошо знакомый с жуткими делами, которые расследовал парижский ОР.

– Надеюсь, что нет! Судмедэксперт считает, что эти пряди очень ровно срезаны ножницами: их могли подобрать в парикмахерской.

– То есть наш убийца роется в помойках при парикмахерских и маникюрных салонах, – без тени улыбки пошутил Сеньон.

– Раз уж мы говорим о ногтях, не нашли ли чего-нибудь под настоящими ногтями жертвы? – спросил Гильем.

– Нет, – ответила Лудивина, – судмедэксперт выразился

ясно: грязь из-под ногтей тщательно вычистили, а тело полностью вымыли с хлоркой. Мы имеем дело с преступником, помешанным на деталях. Он обо всем подумал.

Сеньон, хорошо знавший коллегу, испытующе взглянул на нее:

– У тебя явно есть какая-то версия.

Лудивина медленно кивнула.

– Место преступления, – проговорила она, – имеет значение. Убийца выбрал это место, потому что там безлюдно: он не хотел, чтобы кто-нибудь увидел, как он выбрасывает труп, но при этом хотел, чтобы труп обнаружили. Ему важно, чтобы его действия не остались незамеченными. Железнодорожное полотно усыпано самым разным мусором, который пассажиры выбрасывают в окна и который потом разносится ветром... это помойка, настоящая свалка, там слишком много потенциальных улик, и преступник это знает. У него есть проблема: он помешан на уликах, в том числе и на следах ДНК.

– Вы поняли это, лишь осмотрев место преступления и прочтя отчет о вскрытии? – удивился Марк Таллек.

– Это не примитивное преступление. Преступник – сложный человек с тонко организованной психикой: именно поэтому он и убивает. Его преступление говорит за него. Если дилер не хотел оставлять на теле жертвы следы своей ДНК, он точно не стал бы мыть труп с хлоркой, скорее он попросту сжег бы труп – это гораздо проще и эффективнее. Но

он полностью вымыл тело, а затем его одел. Одно это уже ненормально. А еще эти ногти, волосы... К тому же он тщательно продумал, как избавиться от трупа. Говорю вам, он хочет, чтобы о его преступлении говорили. Дилер действовал бы гораздо быстрее и гораздо скромнее. Он не стал бы возиться и так обставлять убийство конкурента или стукача. Это просто не имеет никакого смысла.

– Тогда почему там было столько товара? – спросил Таллек.

– У меня есть только одно объяснение: преступник хотел сбить нас со следа. Товара и правда слишком много. Убийца хотел, чтобы мы думали, что дело в наркотиках.

– Но ты же считаешь, что он хочет, чтобы мы знали о его преступлении. Тогда зачем направлять нас по ложному следу? Совсем не логично! – возразил Сеньон.

Лудивина откинулась на спинку стула:

– Да, кое-что от меня пока ускользает...

Марк Таллек залпом выпил свой кофе и внимательно посмотрел на руководительницу группы.

– По-вашему получается, что это преступление совершил извращенец. Лоран Брак оказался не в том месте не в то время, и все.

– Все это нужно еще проверить, но мне кажется, да. Правда, это не означает, что он не был знаком с убийцей...

Марк Таллек со вздохом провел пальцем по краю чашки.

– Что ж, значит, я не слишком долго буду вам надоедать.

У Гильема зазвонил телефон. Он встал и отошел, чтобы ответить. Разговор был коротким, и Гильем тут же вернулся к коллегам:

– Это был Ив. Я попросил его помочь разобраться с абонентами из детализации звонков нашей жертвы – на случай если кто-то из них связан с продажей наркотиков.

– И? – чересчур громко спросила Лудивина.

– Он опознал одно имя. Последний, кому позвонил Лоран Брак, был дилер...

Мелкий дождь неплотной завесой скрывал город за окнами казармы, словно стараясь отгородить от внешнего мира этот оплот изучения насилия, поисков горькой правды.

Лудивина склонилась над экраном компьютера. Она читала файл АСИОП о дилере, которому Лоран Брак звонил перед смертью. Этот дилер был отчаянным человеком. Он вырос на токсичной почве, пропитанной ненавистью и пристрастием к наркотикам. По словам Ива, который пообщался с полицейскими из округа, где жил дилер, того подозревали в том, что он держит в кулаке свой городок в департаменте Сена-Сен-Дени. Он и сам употреблял наркотики, успел засветиться как стремщик, посредник, дилер, его привлекали к суду за оскорбления личности, нападения, незаконное владение оружием: у этого человека уже имелись все знаки отличия, в будущем способные принести ему чин генерала, которого похоронят со всеми почестями и будут помнить как того, кто отдал все без исключения ради *своей* войны.

Ив рассеянно поглаживал свои черные усы.

– За ним никто не следит, – признался он. – Я не знаю, где он был в пятницу вечером, и коллеги, с которыми я успел поговорить, тоже не знают. Мы можем запросить отчеты о геолокации его мобильного, чтобы получить хоть какое-то представление о его перемещениях, – но такой человек не

пошел бы на дело с телефоном в кармане. Тем более свой личный, зарегистрированный на него телефон. Он же не идет.

– Может, он заказал убийство? – предположил Сеньон.

Ив кивнул.

– Имени дилера нет в НКПН¹⁴, это нам на руку, – удовлетворенно заметил он.

– Почему? – удивленно спросил Марк Таллек.

– Если имя подозреваемого внесено в НКПН, мы не имеем права продолжать работу над делом, не связавшись с органом, который его туда внес, – чтобы не помешать работе, которую они уже ведут. А наши друзья полицейские страшно любят вносить туда всех, с кем работают, – чтобы их защитить. Порой это совершенно парализует всю нашу работу.

– Получается, мы вернулись к наркотикам, – подвел итог Гильем и взглянул на Лудивину.

– Они еще когда-нибудь общались? – спросила она, не отрываясь от чтения.

Гильем пощелкал клавишами, покачал головой.

– Нет, тогда они разговаривали в первый и последний раз, по крайней мере по этим телефонам.

– Проверим звонки дилера, – решила Лудивина. – Просмотрим все его контакты. Если у Брака был предоплачен-

¹⁴ Национальная картотека подозреваемых, связанных с оборотом наркотиков, общая база жандармерии, таможни и полиции, позволяющая координировать действия различных органов при работе с подозреваемыми, относительно которых ведется судебное расследование в связи с оборотом запрещенных веществ.

ный телефон, он рано или поздно там всплывет.

– Погоди-ка, – вмешался Гильем. – Я сперва не обратил внимание: звонок был очень коротким. Всего три секунды.

– Ошибся номером? – неуверенно предположил Сеньон.

Лудивина выпрямилась:

– Брак ошибся номером и позвонил дилеру, который живет примерно в пятнадцати километрах от его дома, а потом на месте преступления мы обнаружили гору наркотиков? Нет, так не бывает. А дилер потом не перезвонил?

– У меня нет такой информации. Надо проверить его телефон, понять, связывался ли он с кем-то сразу после звонка Брака. Может, он вообще никому не звонил...

– Гильем, займешься этим? Найди мне все телефоны, хоть как-то связанные с этим парнем, в том числе номера всех его родственников. Он осторожен и явно не пользуется собственным телефоном, когда ведет дела. Тщательно все проверь.

Молодой жандарм нахмурил брови, представив себе масштабы задачи.

– Ив, – взмолился он, – скажи, что у вас на него что-то есть, что вы хотя бы сузили круг его контактов!..

– Сочувствую, старик. Но мы тебе поможем. Если получится убить одним выстрелом двух зайцев...

Лудивина, устроившись поудобнее в своем кресле, переводила взгляд с одного коллеги на другого. Марк Таллек сидел на краю рабочего стола Гильема и внимательно слушал,

как тот обсуждает с Ивом план действий.

Накануне Лудивину вызвал к себе полковник Жиан: он хотел повторить ей лично, что сотрудничество между ГУВБ и жандармерией – дело исключительное, что оно должно развиваться в интересах обеих сторон и он надеется, что это сотрудничество окажется кратким, но плодотворным. Жиан руководил крупным отделом и не любил показывать свои эмоции: это был решительный, умный офицер, способный тонко анализировать ситуацию. Он знал, что его люди ходят по тонкой грани и что присутствие ГУВБ, на котором настояло его собственное начальство, им непривычно. С учетом общей атмосферы тревоги, воцарившейся в стране из-за террористических актов, такое сотрудничество не предвещало ничего хорошего. Но если речь шла, к примеру, о предотвращении теракта, жандармерия должна была сделать все от нее зависящее, пусть даже ГУВБ и не собиралось раскрывать какие-либо факты, связанные с этим делом. Одно то, что ГУВБ не попыталось забрать дело себе, согласилось сотрудничать с ОР, уже казалось странным. Жиан, как и Лудивина, видел в этом знак того, что само ГУВБ не знает наверняка, имеет ли убийство отношение к их службам, и потому перестраховывается. Хотя полковник и был как всегда сдержан, Лудивина заметила, что чувствует он себя не в своей тарелке.

«Обеспечьте всестороннее сотрудничество, – приказал он. – Но все же не забывайте, что обозначенные судом рамки, под которые подпадает ваше расследование, отличны от

рамков, в которых работает Таллек. Не делайте ничего, что могло бы поставить вас в сложную ситуацию, ясно, Ванкер?» Лудивина кивнула – хотя обычно она шла напролом, действовала в интересах правды и пострадавших, не слишком соблюдая предписанные законом формальности. Но в этот раз она была согласна с полковником. Спецслужбы в целом пользовались не слишком хорошей репутацией, и если в какой-то момент им потребуется козел отпущения, то в его роли – тут Лудивина не строила никаких иллюзий – окажется вовсе не Марк Таллек, а она.

От этих мыслей ее отвлек завибрировавший в кармане телефон. Она с изумлением обнаружила два пропущенных вызова и отправила сообщение, чтобы узнать, срочное ли дело. Ответ пришел сразу же, и она вскочила.

– Я еду в Нантер, – объявила она. – Меня хочет видеть Филипп Николя, говорит, у него, возможно, есть кое-что для меня.

– Что-то связанное с делом? – уточнил Марк.

– Посмотрим. Филипп Николя – координатор криминалистических операций, я с ним часто работаю. Скажем так, он обеспечивает связь между нами и всеми научными аспектами расследования. А это очень широкий круг обязанностей.

– И очень широкое эго, – пошутил Сеньон, но тут же пояснил: – Правда, на фоне того, что он для нас иногда узнает, все меркнет.

– Я поеду с вами, – заявил Марк тоном, не предполагаю-

щим возражений.

Выйдя из казармы, Лудивина подвела своего напарника к ближайшей парковке и указала на «Ауди ТТ РС»:

– Я поведу.

Марк Таллек восхищенно присвистнул.

– Ну и ну! У ОР, похоже, есть деньги!

– Это конфискованная машина. Некоторые бонусы выдают натурой.

– Вам нравятся гоночные машины?

– Однажды я оказалась за рулем спортивной машины – случайно, в ходе большого расследования. И как только представилась подходящая возможность, потратила часть сбережений на подержанный «Порше Бокстер».

– А другую часть – на покупку дома, – продолжил за нее Марк Таллек, пристегиваясь.

Лудивина повернулась к нему.

– Это тоже было в вашем досье на меня? – сухо спросила она. – Вы и правда обязаны так глубоко залезать в чужую личную жизнь?

Таллек выдержал ее ледяной взгляд.

– Не принимайте близко к сердцу. Я должен знать, с кем имею дело. На вас могут быть использованы рычаги давления.

– Кем использованы?

– Это зависит от того, кто стоит за смертью Лорана Брака.

– Вы копались в моем нижнем белье, предполагая, что на меня будут оказывать давление?

– Мне жаль, Лудивина, но я обязан знать, с кем работаю.

– И что, я прошла проверку? Я достойна вашего доверия или буду для вас глупой блондиночкой, которую можно использовать, но с которой ни в коем случае нельзя ничем делиться?

Бесстрастное лицо Марка Таллека внезапно изменилось, словно с него упала маска. Он выглядел искренне расстроенным.

– Я знаю, что это неприятно. Я приношу вам свои извинения.

Лудивина тяжело вздохнула. Мотор забурчал, машина выехала за ворота казармы и влилась в уличное движение. Они ехали в сторону окружной дороги в гнетущей тишине.

Спустя несколько минут Лудивина спросила слегка смягчившимся тоном:

– И какие методы давления на меня вы обнаружили?

Таллек с интересом взглянул на нее и ответил:

– ПОРОКИ.

– Будьте уверены, я держу их под строгим контролем!

Таллек усмехнулся.

– Нет, это классический метод спецслужб, который используют при вербовке или при попытке чего-то добиться от человека. ПОРОКИ – это покупка, раздутая (само)оценка, компрометирование и идеология. Если вкратце, это способ

отыскать входную дверь, через которую нужно войти, чтобы получить от вас желаемое. Вам нужны деньги? Вы падки на лесть, красивые слова и обещание власти? Вас можно чем-то шантажировать? Вы патриотка, у вас непоколебимые убеждения? У каждого из нас есть свое слабое место... В крайнем случае человека заманивают в западню, и в результате все сводится к компрометированию.

– Что бы вы использовали против меня?

– Честно?

– Говорите, поздно уже что-то от меня скрывать.

– Хорошую дозу идеологии со щепоткой самооценки. Работа у вас в крови, она фактически управляет вами, так что я легко расписал бы вам, какие серьезные стоят перед вами задачи и насколько полезной, едва ли не ключевой может оказаться ваша помощь для сохранения благополучия и даже жизни людей.

– Неплохо. Самооценка – это чтобы избавить меня от приступов меланхолии?

– Чтобы оценить вас по достоинству. Вы исключительная девушка, вы добиваетесь экстраординарных результатов, но принижаете собственную значимость. Не могу даже представить, чего можно было бы от вас добиться, будь вы полностью уверены в себе.

– Мои сомнения, душевные раны и слабости задают определенное направление моим мыслям, что, собственно, и делает меня наблюдательной. Если вы уберете все это, я не смо-

гу работать. И вы об этом знаете. Вы говорите о повышении самооценки, чтобы лучше мною манипулировать. Чтобы сделать наше общение более эмоциональным – потому что знаете, что я эмоциональна.

Таллек вновь улыбнулся, но ничего не ответил.

– В любом случае мне очень неприятно, что вы так много обо мне знаете. Я чувствую себя голой рядом с вами.

– Ну что вы, все совсем не так! Давайте вернемся к нашему делу. Как вам кажется, смерть Брака связана с наркотиками?

Лудивина поняла, что ее обидела его реакция. Он так резко вернулся к рабочим вопросам, оставив без ответа ее замечание, не сказав ей ничего приятного, словно не услышав ее слов – а ведь они не были невинными и прозвучали в таком тесном пространстве... Она вдруг осознала, что какая-то часть ее была готова начать соблазнять Марка... «Мои старые демоны... соблазнять, чтобы что-то себе доказывать... соблазнять, чтобы подчинять... чтобы наполнять саму себя, чтобы не бояться пустоты, не бояться остаться наедине с собой...» Нет, она уже давно ушла от этого. Она провела над собой работу, повзрослела, изменилась. Теперь все было более здоровым, более... естественным, более физиологическим... «О черт! Нет, Лулу, только не он!» Он ей нравился. Его внешность действительно производила впечатление. «Ты что, уже влюбилась? Быть не может!» Он не был по-настоящему красив – но обладал совершенно особым обая-

нием. «Это всего лишь... физическое желание. И что? Это ведь нормально, нет? Я не говорю, что хочу его, я просто говорю, что он...» В тесном салоне машины она вновь почувствовала этот животный аромат, так хорошо подходивший к запаху его кожи, ощутила, как неумолимая волна словно поднимает ее, словно несет ее все ближе и ближе к нему, бросает прямо на него...

– Лудивина?

Как давно у нее не было секса? Постоянное одиночество, бесконечные ночи без капли нежности, без ласки, без объятий, без разговоров... Ясно, почему она так разволновалась из-за первого же симпатичного парня. Как нелепо. «И как естественно... Особенно для того, кто считает, что живет в ладу со своими чувствами, со своим внутренним «я», с настоящей, чувственной стороной себя...»

– Лудивина?

Она моргнула, отвлекаясь от раздумий.

– Э-э... Да, извините. Я думала о...

Она сослалась на сложную обстановку на дороге и сосредоточилась на вождении. Густую пустоту между ними заполнило рычание пятицилиндрового двигателя: Лудивина резко нажала на газ и встрюилась между двух машин.

Она снова полностью владела собой.

– Не знаю, что думать об этом убийстве. Все в нем говорит о кропотливом, одержимом убийце с исключительно сильными obsessions и устойчивыми фантазмами. Иными сло-

вами, о неординарном преступнике. Но при чем тут наркотики, звонок дилеру... Дело все время запутывается.

– Я и сам могу проанализировать факты. Я хочу услышать ваше личное мнение. Что говорит вам инстинкт?

– Наркотики – это ложный след. Но убийца должен иметь хорошие связи, чтобы достать столько наркотиков. Вряд ли он рискнул и сумел столько купить, притворившись простым парнем с улицы. Его могли взять полицейские, могли ограбить не самые честные дилеры... Это на него не похоже, ведь он все заранее планирует, все контролирует, моет, склеивает, запутывает... Он осторожен, он не рискует. А значит, у него должны быть связи.

– Кто-то вроде того дилера из спальных районов?

– Возможно. Но этим нельзя объяснить все. В нашем преступлении есть нечто парадоксальное. Почему убийца хотел, чтобы тело нашли так скоро? Почему подбросил так много наркотиков? Я не понимаю.

– А может, это гигантская инсценировка? Чтобы мы потеряли как можно больше времени?

Лудивина постучала пальцами по рулю. Они застряли в пробке: наступил час пик.

– Чтобы мы впустую растратили силы? – переспросила она. – Но зачем? Если так, убийца совершенно безумен!

– Или у него есть мотив...

– Что вы имеете в виду? – спросила она, резко повернувшись к Марку.

Он долго смотрел на нее, словно собираясь в чем-то признаться. В конце концов он слегка дернул подбородком, и это было похоже на знак капитуляции.

– Пожалуй, пора обо всем вам рассказать, – выдохнул он. – Но это должно остаться между нами, информация строго секретна. Я уже какое-то время наблюдаю за неким Абдельмалеком Фиссумом. Он ключевая фигура среди радикальных исламистов, он всех знает, через него проходит огромное количество информации.

– То есть это возможный... террорист? – удивилась Лудивина.

– Так или иначе, он собирает вокруг себя людей, которые вызывают у нас беспокойство, и проповедует радикальные идеи.

– Вы его не задержали?

– Нет, мы работаем иначе. Если я его посажу, то потеряю отправную точку. Следя за ним, мы получаем доступ ко множеству новых лиц, выходим на целые сети. Иными словами, нам полезнее использовать его как можно дольше и лишь потом обезвредить. В любом случае Фиссум – крупная рыба, он контролирует весь регион Иль-де-Франс и особенно район Аржантея, в департаменте Валь-д’Уаз. Мы мирно делали свою работу, пока в один прекрасный день рядом с ним не появился новый человек.

– Лоран Брак, – догадалась Лудивина.

– Именно. Мы не знаем, как они познакомились, – может,

через посредника в мечети Брака или через знакомых в районе, где он жил. Фиссум и Брак виделись раз десять за месяц, но до того друг друга не знали, в этом мы уверены.

– О чем они говорили? Чем занимались?

– Этого мы не знаем, Фиссум крайне осторожен. Но те, кто вращается вокруг него, порой все-таки совершают ошибки. То немногое, что мы знаем, нам удалось узнать как раз благодаря им. Мы могли счесть Брака еще одним новообращенным, который решил прибиться к кругу радикалов: мы завели бы на него досье и благополучно забыли бы о нем, но нас насторожило то, как часто они виделись. Наша система прослушки заработала на полную мощность. И включился сигнал тревоги.

– Поясните.

– Вместе со службами разведки союзных государств мы ведем постоянное наблюдение за всеми сетями прямого и косвенного оповещения, которыми пользуются самые радикальные исламисты. Мы просматриваем более или менее закрытые форумы в интернете, прослушиваем телефоны, по мере возможностей изучаем даркнет...

– Даркнет – это тот самый параллельный интернет, который невозможно контролировать?

– И в котором практически ничего нельзя отследить. Да, это он. Но помимо того, у нас есть и другие критерии, активирующие сигнал тревоги: к примеру, если общий объем коммуникации сильно возрастает – мы учитываем и элек-

тронные письма, и эсэмэс, и звонки, и личные встречи; даже если их содержание кажется нейтральным, они могут быть закодированы. Значение имеет резкое увеличение количества сообщений. Это признак того, что что-то происходит, что все сообщество радикальных исламистов всколыхнулось и что что-то где-то вот-вот взорвется. Ровно так было пять месяцев назад. Мы были начеку, но ничего не произошло. С тех пор Фиссум и Брак ни разу не виделись и не общались.

– Они рассорились? В этой среде такое бывает?

– Возможно. Или же Фиссум понял, что наши службы засекли Брака...

– Или узнал, что за ним самим следят!

– Именно. В любом случае вся связь между ними оборвалась. И – словно по волшебству – мы почти сразу вернулись к обычному уровню фонового шума, пик активности спал. Собственно, тогда мы и отметили имя Лорана Брака в наших базах красным цветом.

– Почему вы перестали за ним следить? Если всего три месяца назад его имя всплыло в комментариях к экстремистскому ролику?

– Потому что все меняется слишком быстро, сигналы тревоги поступают со всех сторон и мы просто физически не можем всё контролировать. Вот мы и решили приглядывать за ним издалека и бросить все силы на цели, ставшие более приоритетными. Брак ничего не делал, не встречался ни с кем, кто представлял бы для нас интерес. Да, его коммента-

рий к видео нас слегка встревожил, но мы постоянно сталкиваемся с угрозами куда более реальными, чем экстремистские высказывания какого-то типа, который открывает рот раз в пять месяцев. К тому же у него была семья, работа... Мы не могли позволить себе тратить силы на человека, столь далекого от маргинальности: на него у нас имелись только встречи с Фиссумом – но ровно в это же время среди исламских фанатиков творилось вообще невесть что. И все же благодаря нашей системе оповещения мы сразу узнали о том, что вы задаете всем вокруг вопросы и ищите Лорана Брака во всех базах данных.

– А что все это время делал Фиссум?

– Он большая шишка, так что за ним мы продолжали наблюдать. Он жил обычной жизнью, с кем-то встречался, но вел себя скромнее, словно успокоился или понял, что за ним следят.

– Вы узнали, что именно скрывалось за всей этой активностью?

– Нет. Есть тысячи возможных причин, но ни одну из них мы так и не сумели подтвердить. Моя работа полна разочарований.

– Подведу итог: наш покойник в молодости совершал преступления, но в тюрьме обрел веру. Он вышел на свободу и стал честным человеком, женился, завел ребенка, нашел работу и хорошо ее выполнял. За пять месяцев до смерти он недолго, но очень часто встречался с одним радикальным и

крайне опасным исламистом, а затем был обнаружен убитым на железнодорожных путях, рядом с сумкой, набитой наркотиками. Как же во всем этом разобраться...

– Теперь вы понимаете, почему я должен знать, кто и за что убил Лорана Брака?

– Но вы представляете себе, как сильно они старались? И ради чего?

– Ради того, чтобы мы не заметили главного.

«Ауди» въехала в туннель. В резко наступившей темноте Марк Таллек не сводил с Лудивины слегка взволнованного, но при этом чертовски решительного взгляда.

Лудивина не понимала, к чему клонит Марк Таллек.

– Чем сложнее преступление, тем сильнее преступник рискует где-то оставить след, – проговорила она. – И мы этот след найдем. Даже если потратим на это два месяца вместо трех недель. Не понимаю...

– Лудивина, знаете, что самое главное? Вы думаете только о том, кто и почему совершил это убийство. Учитывая то, как выглядело место преступления, именно этого от вас и следует ждать. Во всех случаях, когда преступление не вписывается ни в какие рамки, все внимание и все средства всегда прикованы к исполнителю. Так что вы вполне разумно предполагаете, что жертва была выбрана случайно. Лоран Брак оказался не в том месте и не в то время, попался на глаза извращенцу. А если этого объяснения вам мало, есть еще наркотики.

Лудивине наконец-то стал ясен ход рассуждений Марка Таллека. Она продолжила его мысль:

– Все эти элементы призваны отвлечь нас от самого простого предположения: Лорана Брака убили за то, кем он был, а убийца не хочет, чтобы мы слишком быстро это поняли и стали копать в этом направлении.

Марк щелкнул пальцами в знак одобрения.

– Его убила подпольная сеть, – добавил он. – Нас хотят

отвлечь и пичкают псевдоуликами, которые должны отправить нас на поиски некоего жуткого извращенца. И да, это не просто какая-то подпольная сеть, а ячейка радикальных исламистов.

– Причина в том, что Брак готов был их сдать?

– Возможно. Он что-то знал или о чем-то догадался. В любом случае произошло нечто неординарное, заставившее их пойти на риск и его убить.

Лудивина ненадолго задумалась, а затем недовольно скривилась.

– Не знаю. Если все так, почему они просто не закопали труп в лесу или еще где-нибудь? Чтобы его еще долго не нашли... Да, жена Брака рано или поздно заявила бы о его исчезновении, но пока органы правосудия всерьез взялись бы за это дело – с учетом криминального прошлого Брака, – прошло бы очень много времени! А они, наоборот, постарались привлечь наше внимание. Может, у вас профессиональная деформация, и из-за нее вы всюду видите терроризм?

– Может и так. Вот почему вы здесь. Вы должны сказать мне, чему я должен верить, а чему – нет.

Осознав весь масштаб стоящей перед ней задачи, Лудивина ощутила непомерный груз ответственности.

– Хорошо. Будем пока действовать по моему плану: работать с тем, что имеем, – ответила она, сворачивая на одну из улиц Нантера, где стояло здание ЦББФН.

Центральное бюро по борьбе с физическим насилием под-

чинялось уголовной полицией, но в том же здании находилась и группа САС, в состав которой входили и полицейские, и военные из жандармерии. В коридорах и кабинетах бюро царил удивительный покой. Лудивина постучалась в приоткрытую дверь и вошла в небольшое помещение, воздух в котором был нагрет множеством компьютеров и принтеров. Ей навстречу тут же поднялся мужчина, резко выделявшийся на фоне коллег. Напомаженные, аккуратно зачесанные назад волосы, сильный загар, как у серферов, необычный для ноябрьского Парижа, лиловая футболка-поло «Лакост» и ярко-синий кардиган, парфюмированный крем для лица, которым он явно пользовался крайне щедро, – все в его внешности говорило о стремлении прекрасно выглядеть и казаться вечно молодым.

– Я рад, что ты приехала, – сказал он, старательно жуя жевательную резинку.

– Филипп Николя, наш любимый координатор криминалистических операций. Это Марк Таллек, мы с ним сейчас работаем вместе. С каких пор ты руководишь группой САС?

Криминалист склонился к Лудивине и ответил доверительным тоном:

– Тут в бюро работает одна цыпочка, у нас с ней ничего серьезного, но помогает отвлечься. Так вот, я сюда частенько заглядываю... Когда я увидел твой запрос, то решил взглянуть сам.

Лудивина удивленно вздернула брови и решила пояснить

происходящее Марку Таллеку:

– С учетом того что некоторые характеристики нашего места преступления показались мне необычными, я сразу же решила обратиться к системе САС. Говоря в двух словах, это программа, в которой хранятся точные данные обо всех убийствах, случаях сексуального насилия, пытках, актах варварства, отравлениях, похищениях, пропаже людей и так далее, а также о попытках совершения таких преступлений. В программу внесено все до мельчайших подробностей. Когда следователь, находящийся в любой точке Франции, начинает подозревать, что преступление, над которым он работает, может быть связано с другими преступлениями, он может заполнить форму САС и подать запрос на проверку. Аналитики вводят данные в программу, а затем сравнивают полученные результаты и делают выводы.

– Вы подали запрос сразу же, как обнаружили труп? – удивился Марк Таллек.

– Вы говорили о моих инстинктах. Я следовала им с самого начала. Нечто странное, набор мелких особенностей. Ты что-то нашел, Филипп?

– Программа выдала два дела с явными совпадениями, хотя в то же время многое в них сильно отличается от твоего убийства. Может, я вообще зря тебя вызвал, но... ты сама мне скажешь.

Он взял со стола две цветные папки и рассеянно раскрыл одну из них – вне всякого сомнения, он уже прекрасно знал

все детали этих преступлений.

– Прежде всего, – начал он, – жертвы кардинально отличаются от твоей. В обоих случаях это женщины. Еще более неожиданно то, что их изнасиловали.

– На месте преступления находили наркотики? – спросил Марк.

– Нет, не находили. И в крови жертв тоже.

– Тогда почему программа сообщила о совпадениях? – не поняла Лудивина.

– Обеих девушек бросили на железнодорожных путях, оба тела были полностью вымыты с дезинфицирующим средством.

Лудивина забрала у криминалиста папки.

– Это он, – сказала она, быстро пролистав бумаги. – Вне всякого сомнения, преступник один и тот же. У нас серийный убийца.

Дождь барабанил по крыше террасы, затенял редкие уличные огни, видневшиеся за деревьями и кустарником. Лудивина чувствовала себя в изоляции, вдали от всего мира. Она включила в гостиной несколько ламп, чтобы прогнать ночь, и принялась ходить взад-вперед по прохладному паркету. Вернувшись домой, она всегда старалась совершить несколько обыденных действий, не позволявших работе окончательно поглотить женщину, которой она все же оставалась: вот почему она поднялась в спальню, переделалась в широкие, мяг-

кие пижамные штаны и любимый свитер, стянула волосы резинкой, убрала пистолет в сейф и лишь после этого спустилась вниз разжечь огонь в камине.

Теперь, когда заваренный в чашке чай уже остыл, а в камине тлели угли, она наконец отступила в центр гостиной, чтобы полюбоваться своим творением. Изображение Парижа работы Фаззино, снятое со стены, стояло в углу: на его место Лудивина приклеила скотчем несколько больших листов картона, край в край, и вычертила три столбца на получившейся гигантской доске.

По одному для каждой жертвы, от первой и до последней. Имя, возраст, общие сведения.

Сходства и различия между преступлениями.

Лудивине удалось связаться с руководителями расследований из РОСП¹⁵ и узнать у них основные детали первых двух убийств. Двое готовых к сотрудничеству, приятных в общении полицейских, расстроенные тем, что им не удалось довести свои дела до конца, согласились неофициально поделиться с ней информацией и даже передать ей свои материалы при условии, что она будет держать их в курсе. Она сердилась на себя за то, что не сообщила им друг о друге, – но она решила сделать это потом, когда ей будет известно больше. В конце концов, связь между убийствами обнаружила именно она.

Три оборванные, разрушенные, уничтоженные жизни.

¹⁵ Региональный отдел судебной полиции.

Все три жертвы были убиты, а затем тщательно вымыты с дезинфицирующим средством. После этого тела выбрасывали на железнодорожное полотно, у поворота путей. Во всех трех случаях трупы от столкновения с поездом были разорваны на куски.

Уже этой черты, вопреки всем заметным различиям между преступлениями, хватило бы для того, чтобы Лудивина предположила, что обеих женщин и Лорана Брака убил один и тот же человек. Но окончательно ее убедила причина смерти: асфиксия от удушения с использованием трех или четырех тонких, прочных предметов, затянутых так сильно, что они глубоко врезались в тело: срезая их, убийца даже оставил на тканях следы ножниц. Вероятнее всего, преступник использовал пластмассовые хомуты, которые обычно применяет вместо наручников полицейский спецназ, ПСРПВУ¹⁶ или ГВНЖ¹⁷.

Медленная смерть.

Жуткая смерть.

Хомуты на теле второй жертвы были затянуты так сильно, что порвали наружную яремную вену.

«Утрата контроля? Сильнейший приступ гнева? Фрустрация?»

Лудивина кропотливо анализировала все сведения.

Этот человек убил уже троих.

¹⁶ Полицейская служба розыска, помощи, вмешательства и устрашения.

¹⁷ Группа вмешательства национальной жандармерии.

«Как минимум».

Между первым и вторым убийством случилось обострение. Вторую жертву много раз били, в том числе – и даже по большей части – после смерти. Сломанные ребра, бесчисленные кровоподтеки, которые не успели проявиться под кожей, но обнаруживались, когда судмедэксперт делал проколы скальпелем, чтобы увидеть все поврежденные сосуды.

Почему преступник изменил себе после того, как убил двух женщин? О чем свидетельствовал приступ ненависти, которую он обрушил на вторую? О том, что его фрустрация лишь усилилась?

«Решил попробовать что-то новое, дать волю фантазии?»

Повреждения в районе влагалища и ануса свидетельствовали о крайне жестоких, возможно, множественных актах насилия, хотя ткани, по большей части поврежденные «за счет старательного промывания дезинфицирующим средством», не позволяли утверждать этого с уверенностью. В случае с женщинами речь вне всяких сомнений шла о преступлениях сексуального характера: проникновение не было ни случайностью, ни результатом неконтролируемого гнева, но причиной обоих нападений, их основным мотивом. И напротив, в случае с Лораном Браком ничто не свидетельствовало о сексуальном насилии.

«Почему ты взялся за мужчину? Выбрал жертву, более способную к сопротивлению?»

Нет, тут что-то не клеилось. Лудивина не сомневалась,

что ключевым моментом первых двух убийств было насилие. Между ними прошло восемь месяцев – восемь месяцев, на протяжении которых убийца наверняка вновь и вновь проигрывал в голове воспоминания про свой первый раз. Восемь месяцев фантазий, фрустрации, которую ему приходилось сдерживать. Поэтому он и накинулся на вторую жертву? Заставил ее заплатить за то, что слишком долго ждал?

Лудивина встряхнула головой. «Нет. У него с жертвами прямая связь, он использует их, чтобы утолить свою жажду, но не сажает под замок на несколько дней».

Похищены, изнасилованы, убиты и выброшены менее чем за сутки. «Настоящие сексуальные извращенцы, переходящие к делу прежде всего ради наслаждения, способные полностью себя контролировать, обычно создают себе сексуального раба. Они похищают жертву и держат ее взаперти на протяжении по крайней мере нескольких дней: они удовлетворяют все свои фантазии, а потом убивают».

Но он предпочитает действовать быстро. Несколько проникновений за пару часов, затем смерть. Он не сожительствует с будущей жертвой, удерживает ее у себя лишь короткое время, сводит к минимуму любые контакты, не хочет наслаждаться ею, но лишь торопится удовлетворить невыносимое стремление. «Но при этом ведет себя крайне осторожно...»

Он совершенно овецествил женщин. Они стали одноразовыми.

Среди теней, заполонивших разум Лудивины, вдруг показался лучик света. Всего один лучик, сиявший, словно маяк в ночи.

«Фантазии сильнее, чем наслаждение. Он фрустрирован. Он разочарован, разгневан. Вот почему он быстро убивает. После первого раза он продержался восемь месяцев, потому что все прошло хуже, чем он себе представлял. Когда его желания стали слишком навязчивыми, он вновь взялся за дело, но на этот раз все прошло еще менее удачно, и он впал в ярость. Он бил вторую жертву снова и снова, стремясь выместить на ней всю свою фрустрацию...»

После этого он продержался еще почти два года и взялся за мужчину – Лорана Брака.

«Нет, обычно им руководит сексуальное желание, – повторяла себе она, – а Брака он не насиловал. В этот раз им руководило что-то еще».

К тому же два года ожидания – долгий срок для извращенца, настроенного так решительно. Обычно все происходит иначе: преступники подобного рода со временем набираются уверенности в себе и все охотнее идут на поводу у собственных фантазий, все чаще и чаще переходят к действию...

«Может, те два года он провел в тюрьме? С Лораном Браком?»

Это казалось возможным. К тому же метод преступника был столь точным, столь отработанным, что Лудивина ни на миг не сомневалась: он не менял его, совершая другие пре-

ступления. Его не поймали в связи с гибелью двух девушек, так что у него не было ни единой причины изобретать иной метод работы. Столь уникальный почерк уже сам по себе казался воплощением фантазий, частью личности преступника, изменить его было бы нелегко. Нет, других преступлений, помимо этих трех, он не совершал.

«Если только полицейские не сочли другие его преступления суицидом: в таком случае они могли закрыть дело, не обратив внимания на следы сексуального насилия, могли отказаться от проверки фактов, дальнейшего расследования...»

Лудивина сделала заметку о том, что нужно составить список всех случаев самоубийства на железной дороге, тщательно исследовать обстоятельства каждого, разузнать подробности.

И все же она так и не понимала, почему преступник убил мужчину, действуя по той же, явно очень личной, схеме, но исключив из нее элемент сексуального насилия – притом что как раз он и играл ключевую роль для динамики его преступлений.

Может, Марк Таллек прав? Может, это убийство совершила исламистская сеть?

«Нет, этот человек слишком сосредоточен на самом себе, он убивает в одиночку. Он делает это ради себя, ради собственного удовольствия, ради удовлетворения своих нужд, он не может делиться всем этим с другими».

А может, это заказное убийство?

Лудивина вздохнула. Серийный убийца становится наемником? Безумная идея.

«Так бывает только в кино. Настоящий извращенец удовлетворяет только свои, глубоко запрятанные, сокровенные желания, он раб собственной ненормальности, совершенно неспособный использовать ее ради оказания услуг или ради денег!»

Полная нелепица. Как раз поэтому она совершенно не могла смотреть «Правосудие Декстера» и другие подобные сериалы. Во всей этой насквозь голливудской продукции не было ничего правдивого: лишь полное непонимание психологических механизмов, превращающих человека в убийцу.

«Но почему же он сменил метод? Почему убил Лорана Брака? Он хотел убить именно его, или Брак просто попался под руку?»

Лудивина решила отвлечься и принялась ходить по своей просторной гостиной. Огонь в камине уже догорал, и она пошевелила угли кочергой, пытаясь его оживить. Ее лицо осветилось красным светом, в зрачках отразились язычки пламени.

«Он помешан на чистоте».

Сам по себе этот элемент мог бы указать на вполне конкретный тип извращенцев, но Лудивина не могла не принимать в расчет все остальные детали. Особенно ногти и волосы.

Во всех трех случаях преступник тщательно вычистил

ногти жертв, даже порезал одной из женщин палец; после этого он наклеил поверх ногти разного вида, от разных людей. Он старательно впутал в волосы жертв аккуратно срезаемые пряди волос, принадлежавших другим людям. Возможно, Сеньон не был так уж далек от истины, когда сказал в шутку, что убийца Лорана Брака рылся в мусорных баках возле парикмахерских и маникюрных салонов.

В горле первой жертвы обнаружили жевательную резинку со следами ДНК, но не жертвы, а кого-то еще: Лудивина была готова поспорить, что это ДНК какого-то случайного прохожего, по несчастью выбросившего жвачку как раз там, где ее смог затем подобрать убийца.

«Он любит запутывать следы. Отсюда и железнодорожные пути. Потому что тела будут повреждены еще сильнее, потому что в этом месте полным-полно мусора, потому что полицейские соберут там сотни, если не тысячи образцов и получат столько же результатов анализа ДНК».

У Лудивины в голове начала складываться общая картина.

«Он не моет их перед тем, как убить. Ему плевать. Он делает это потом, только для того, чтобы стереть любые свои следы. Их чистота его не волнует, он просто не хочет оставить зацепок, которые могли бы привести к нему. Ради этого он даже наполняет влагалище и прямую кишку дезинфицирующим средством и трет...»

Чудовище.

Постепенно, снова и снова читая подробные отчеты, Лудивина начала делать выводы. Чем больше она читала, тем больше ей бросалось в глаза очевидное. К этому у нее был талант. Великий криминалист Ришар Микелис, взявший ее под свое крыло, мог ею гордиться. Она много работала и усвоила огромный объем теоретических знаний. Она усвоила четкую схему. Ее сильной стороной была способность методично ее применять: она не просто *чувствовала* факты, не просто понимала смысл действий или верно интерпретировала каждый жест. Она умела примерить на себя шкуру всякого безумца, понять его, восстановить руководившую им внутреннюю, неадекватную логику по следам, которые тот оставлял после себя, на своих жертвах: она знала, как заставить говорить эти следы, эти отчеты и фотографии...

Дождь за окном стих, но Лудивина не заметила ни этого, ни того, что ее босые ступни заледенели от ходьбы по холодному паркету.

Электронные часы на модеме показывали полночь. Следователь все еще была на ногах: она стояла лицом к стене гостиной, покрытой заметками, чувствуя, что «убийца с железной дороги» – так она его теперь называла – где-то совсем рядом, что он у нее прямо перед глазами, что его имя записано черным по белому в одной из папок в полицейских архивах.

И вдруг, словно развернув к себе лист бумаги и рассмотрев прежде искаженный, недоступный глазу рисунок, Луди-

вина увидела собранные ими данные под иным углом – и все поняла.

Как сохранить спокойствие в полнейшей пустоте, не имея ни единого ориентира?

Лудивина без конца задавала себе этот вопрос, стараясь не утратить ясности мыслей, не сдаться на волю страха, не впустить внутрь себя безжалостные щупальца ужаса, лишаящие всякого разума, всякой способности мыслить и действовать.

Ей казалось, что она плывет в темноте, что ее тянут ко дну часы, проведенные в полном одиночестве, в холоде, в неудобной позе, безо всякого представления о времени, лишь с одной, все более неотвязной мыслью – о том, как ее мучат жажда и голод.

Ночная бабочка не случайно сгорает заживо у раскаленной лампочки. Она горит потому, что слишком долго летала вокруг, словно загипнотизированная, зачарованная очевидной опасностью. Лудивина стала этой бабочкой. Она слишком приблизилась. Но ее привлек не свет, ее притянула тьма. А он не смог этого вытерпеть. Потому что теперь у нее больше не было сомнений в том, что ее похитил именно он. Именно он сейчас ждал где-то над ее головой. Теперь Лудивина была в этом уверена.

Все началось вечером в пятницу, у железнодорожных путей, с трупа Лорана Брака.

Как и когда все закончится?

«Стоп. Это мне не поможет. Только полезные мысли. Все обдумать. Все вспомнить. Проанализировать. Понять. Сделать выводы».

Лудивина знала, что убийца с железной дороги не держит при себе жертву слишком долго. Откровенно говоря, она сама не понимала, почему она до сих пор жива. Почему он ее еще не изнасиловал.

Она сжала кулаки: боль из стянутых запястий разлилась по рукам до самых плеч. Хомуты были затянуты очень сильно и глубоко впились в кожу.

Вот и еще одно доказательство, хомуты.

Лудивина постаралась отогнать подальше вставшие у нее перед глазами изображения женщин, задушенных тонкими полосками пластмассы.

«Только полезные мысли!»

Кто он такой? Что у него за фантазии, потребности, что за жизненный опыт? Какой психологический путь ему довелось пройти, чтобы впервые перейти к действию? Во что он превратился теперь? Лудивина должна была сосредоточиться на чем-то способном подпитать надежду, что таяла с каждой секундой, должна была удержать тьму как можно дальше от своей души. Ей нужно было найти брешь, пусть даже крошечную, хоть какой-то просвет, сквозь который она сумела бы пробраться в его голову, чтобы он хоть на миг перестал видеть в ней сопротивляющийся ему инструмент, чтобы он увидел в ней человека.

«Его эмпатия отделена от внешнего мира слишком толстой стеной: она в неприступном бункере. Не стоит разыгрывать эту карту. У меня ничего не выйдет, он никогда не увидит во мне женщину, живое существо, для этого нужно гораздо больше времени, такой вариант точно не годится!»

Оставался единственный способ: стать зеркалом. Понять его так хорошо, чтобы он остановил занесенную над ней руку, чтобы услышал ее. Ее слова должны быть крайне точными, должны сразу попасть точно в цель. Она должна рассказать ему о нем. Ничто не сделает ее женщиной, достойной его уважения; но она может стать его отражением, фрагментом его сознания, погребенного глубоко под слоями страданий, равнодушия, эгоизма. Извращенец вроде него не станет слушать никого, кроме самого себя.

«Да, именно так. Для этого мне нужно найти ошибку в его рассуждениях, разбить его броню насильника и убийцы, проникнуть внутрь его самого».

От последних слов ее бросило в дрожь.

Она отказывалась верить, что все закончится вот так, — после всего, что она пережила, с чем столкнулась, в момент, когда она только начала вновь чувствовать себя женщиной, а не закрытой раковиной. Нет, этого не может быть.

Но Лудивина знала, что ей не хватает деталей. Она могла сколько угодно вспоминать все подробности расследования, но так и не видела ни единой лазейки, которую могла бы использовать.

«Время, еще немного времени, вот и все, о чем я прошу».

Начать расследование сначала. Наверняка там было больше, чем ей запомнилось. Что она упускает?

Ее охватило отчаяние. Лудивина привыкла к скорости расследований, ей хорошо было знакомо ужасное ощущение того, что каждый проходящий день – это день, дарованный преступнику для того, чтобы он продолжал свои дела, что каждая новая неделя расследования – возможно, последняя неделя жизни мужчины или женщины, которых преступник выберет в качестве жертвы. Но на сей раз жертвой была она сама. Она одновременно играла на всех досках – от этой мысли у нее опускались руки. Сколько у нее времени? Несколько часов? Пара минут?

Она медленно выдохнула, прикрыв глаза. Тьма во тьме. Все тело ныло, ягодицы болели от того, что она уже давно не двигалась, запястья горели, в горле словно пересыпался песок.

Едва она решила вновь сосредоточиться на расследовании, как раздался звук, от которого все в ней замерло. Где-то наверху, за перегородкой, кто-то скребся.

Может, она здесь не одна? Может, есть и другая жертва?

Надежда тут же угасла, когда вдали, словно за толстой стеной, раздался приглушенный голос:

– Я... тебя... чувствую...

Это точно мужчина. Казалось, что он далеко, но Лудивина совершенно не обольщалась: она понимала, кто это, зна-

ла, что он обращается к ней, а точнее, говорит с ней, демонстрирует ей свое возбуждение.

Он снова поскребся и добавил, на этот раз громче:

– Ты больше никогда не будешь одна... ты и я... я наполню тебя... а потом ты станешь... моей...

Он говорил высоким голосом, тщательно выговаривая каждый слог, и от этого его слова звучали еще страшнее.

У Лудивины участилось дыхание. По телу разлился гнев, она сжала кулаки. Если бы только он ее не связал...

– Ты должна созреть... И мои чресла тебя взорвут...

Лудивина сжала зубы и, то ли от гнева, то ли от отчаяния, несколько раз ударила затылком о камень у себя за спиной.

Ей нужно было придумать способ овладеть собой, прямо сейчас, сию же минуту.

Шум от проходившего неподалеку и совершенно невидимого отсюда шоссе А115 совершенно не соответствовал мирному сельскому пейзажу, посреди которого, на обочине небольшой дороги, затерянной к северо-западу от Парижа, стояла «Ауди ТТ РС»: невспаханые поля, покрытые лесом холмы. Островок деревенской жизни в сорока минутах от столицы.

Рядом с Лудивиной, прислонившейся к машине, затормозил седан с затемненными стеклами. За рулем сидел Марк Таллек. Опустив стекло, он сразу, даже не поздоровавшись, спросил:

– Что за история с идентификацией?

– Вы все еще доверяете моему инстинкту? Я уверена, что убийца уже есть в наших базах данных. Изложу вкратце. К своим жертвам он относится как к вещам. Это предметы, которыми он пользуется ради собственного удовольствия. Его не возбуждает даже само убийство: вот почему он использует хомуты. Я не удивлюсь, если он вообще не наблюдает за их агонией. Это преступник, действующий исключительно ради извращенного сексуального удовольствия, но не получающий того наслаждения, которое он себе представлял.

– То есть импотент?

– Не совсем. Мне кажется, его фантазии на него очень

сильно давят, но в момент, когда он оказывается наедине с жертвой, реальные ощущения недотягивают до тех, о которых он мечтал, не соответствуют его ожиданиям, приложенным усилиям. Вот почему он избил вторую жертву: он был слишком фрустрирован после долгих месяцев, на протяжении которых он представлял себе, как все будет. В то же время его навязчивое стремление их вымыть никуда не девается. Он действует крайне тщательно. Даже слишком тщательно. Он моет их в хлорке, моет даже... самые интимные части тела... чистит им ногти, наклеивает чужие ногти, смешивает с их волосами пряди чужих волос... это уже немалый труд, но потом он еще и бросает их под поезд... смешивает их с лежащим на насыпи мусором... Иными словами, на то, чтобы замести собственные следы, он тратит куда больше сил, чем на само похищение.

– Он сумасшедший, я давно это понял, спасибо.

– Да, но он делает все это не просто так. Нет, его действия – результат опыта, плод длительных размышлений.

Марк Таллек сдвинул на нос солнцезащитные очки и приготовился слушать дальше.

– Он уже нам попадался! – подвела итог Лудивина, словно это было совершенно очевидно. – Это насильник, которого уже ловили, возможно, находили по образцам ДНК и по свидетельствам жертвы, может быть, даже нескольких жертв. Он уже отсидел срок, но это его не успокоило. Подобные извращения в тюрьме не меняются, заключение лишь разжигает

ет их фантазии. Собственно, в тюрьме он и разработал план действий. На этот раз он не попадетсЯ, потому что не оставит ни следов, ни свидетелей. Он одержим мыслью о том, чтобы скрыть собственные следы, потому что в прошлом неаккуратность дорого ему обошлась!

Марк кивнул:

– Ясно. До этого момента мне все понятно.

– Итак, его имя уже есть в наших базах. Я попросила Гильема найти всех насильников в возрасте до сорока пяти лет, вышедших из заключения за год до первого преступления. Я думаю, что желАния, которые им владеют, слишком сильны, и он не мог контролировать их на протяжении десятилетий, а почти сразу же перешел к действию. Даже если он отсидел лет десять, ему должно быть не больше сорока. Потом мы посмотрим, кто из этих насильников теперь живет в Иль-де-Франс и кто из них примерно подходит под параметры нашего преступника. Я возьмусь за это, как только смогу.

Марк указал на Сеньона, скрючившегося на пассажирском сиденье:

– Но что мы все здесь сейчас делаем?

Лудивина обернулась к невысокому, покрытому лесом холму, к которому вела грунтовая дорога.

– Первое убийство всегда наиболее красноречиво. Убийца не выбирает первую жертву случайно. Надеюсь, мы сумеем узнать что-нибудь, что поможет нам лучше его понять. Первая девушка жила вон там, на холме Монтарси, в цыган-

ском таборе.

Марк Таллек недовольно скривился:

– Эти люди не станут разговаривать с полицейскими.

– Поэтому мы и пойдем туда сами, без подкрепления. Я решила не вызывать полицию, и, если вы не против, разговаривать тоже буду я. Вы с Сеньоном просто побудете там, на всякий случай...

Спустя десять минут «Ауди» добралась по тряской, разбитой колее до прогалины на вершине холма. Вдоль обеих обочин дороги, лишь слегка прикрытые колючим кустарником и опавшими листьями, лежали кучи мусора, какие-то пакеты, старые электроприборы, сломанная мебель, детали машин.

Впереди показалось несколько крошечных, построенных из подручного материала хижин. Большинство оконных рам было заклеено газетными листами, трубы, сделанные из обрезков вентиляционных коробов, выплевывали в мрачное утреннее небо серый дым. Между хибарами на ветру сохло цветное белье.

Вокруг ни единой души.

Лудивина затормозила у въезда в поселение и, едва Сеньон попытался распрямиться, знаком попросила его подождать в машине. Марк Таллек остановил свою машину прямо за «Ауди» и остался сидеть в ней, пока Лудивина одна пошла вперед.

Между домами и деревьями петляла пыльная тропка. Лу-

дивине не верилось, что здесь живет больше ста человек, в том числе и дети.

Прямо перед ней ударился о землю мяч, отскочил к самой машине. Из ниоткуда молча появились трое детей, уставились на нее, а потом вдруг заметили спортивный автомобиль. Тут любопытство взяло верх над осторожностью, и они кинулись прямо к «Ауди», не выпуская при этом из виду стоящих чуть поодаль темнокожего гиганта и белого парня в военной парке.

Лудивина повернулась, собираясь продолжить разведку, и оказалась прямо перед мужчиной небольшого роста, со впалыми щеками, загорелым лицом, седыми усами и мрачным взглядом. Он тоже появился словно из ниоткуда и теперь фактически преградил ей путь.

– Что вам нужно? – спросил он тихим, резким голосом, с сильным восточным акцентом.

Во рту у него сверкали золотые зубы.

Понимая, что ее гражданская одежда может ввести его в заблуждение, Лудивина вытащила из кармана удостоверение.

– Я не собираюсь вам досаждать. Я хочу вам помочь.

Мужчина отступил на шаг назад, не сводя с нее враждебного взгляда.

– Никаких проблем, тут все спокойно.

– Я пришла по поводу Джорджианы Нистор.

Глаза ее собеседника на миг словно озарились.

– Вы поймали ублюдка?

– Нет. Я как раз хотела задать вам несколько во...

– Мы уже все сказали.

– Я знаю, вы говорили с моими коллегами из РОСП Версаля, но я из другого отдела. Понимаете? Я хотела бы вас...

Мужчина свирепо замотал головой и указал на машины:

– Нет, нет, все уже сказали, уезжайте.

– Я...

– Хватит! – гаркнул он. – Оставьте нас в покое!

– Жик! – раздался где-то поблизости женский голос.

У входа в крошечную, чудом не падающую хижину, с куском синего брезента вместо крыши, показалась крупная женщина. Она решительно обратилась к мужчине на языке, которого Лудивина не знала: тот разразился бранью, плюнул на землю и ушел.

– Спасибо, мадам, – начала Лудивина, подходя к ней.

Перед ней стояла женщина неопределенного возраста: возможно, ей было всего лет сорок, но выглядела она гораздо старше. Маленького роста, с длинными, тщательно расчесанными, густыми иссиня-черными волосами, она куталась в заношенный халат, явно надетый поверх какой-то еще одежды.

– Жикайо не любит полицейских. У него два сына, у обоих проблемы с законом...

У нее тоже был сильный акцент, но она свободно объяснялась по-французски.

– Мне очень жаль. Я пришла по поводу Джорджианы Нистор.

– Я слышала. Это хорошая девушка, я хочу помочь.

– Наверняка вы были с ней знакомы, – сказала Лудивина, чувствуя себя довольно глупо.

Она огляделась и отметила про себя, что поселение уходило в лес куда глубже, чем она предполагала. Повсюду, насколько хватало глаз, виднелись хижины. Некоторые жались к деревьям, другие были сколочены из деревянных поддонов, обитых сверху листами железа, третьи, большего размера, казались куда более прочными и долговечными... Между грудями коробок и разбитых деревянных ящиков стояли тележки из супермаркета, набитые тряпьем и деталями машин. Возле бочки, в которой горел костер, грелись какие-то подростки, осторожно поглядывавшие в сторону Лудивины. За длинным столом на самодельных лавках сидело несколько человек, изучавших ее без единой капли добродушия во взгляде.

– Все здесь знают Джорджиану.

– Вы ее родственница?

– Я тетя.

В надежде на то, что в более интимной обстановке женщина скорее раскроется, Лудивина указала на дверь постройки, служившей ей домом:

– Можно войти?

Женщина спокойно покачала головой.

– Лучше здесь. Что вы хотите услышать?

Лудивина немного смутилась из-за отказа, но постаралась собраться с мыслями, сконцентрироваться на расследовании.

– Тот, кто причинил зло Джорджиане, снова сделал то же самое. С другой девушкой. Вы знали?

Женщина от изумления разинула рот, в котором не хватало нескольких зубов, прикрыла его ладонью.

– Мне очень жаль, но я должна была вам об этом сказать, – продолжила Лудивина. – Боюсь, Джорджиана была его первой жертвой. Возможно, он какое-то время наблюдал за ней, прежде чем перейти к делу. Вы не знаете, она часто отсюда выходила?

– Да, почти каждый день.

– Куда она ходила?

– По-разному. Сержи, Париж, к шоссе в Эраньи.

– Она... работала?

Женщина кивнула, и Лудивина задумалась, просила ли Джорджиана милостыню или порой занималась еще чем-нибудь. Правда, она не осмелилась сразу спросить о проституции, не желая разозлить ту, как ей сразу же стало ясно, редкую цыганку, которая согласилась с ней поговорить. Не сейчас, может, в конце разговора.

– Она не упоминала никакого мужчину перед тем, как исчезла?

– А в чем дело?

Теперь цыганка смотрела на нее с подозрением. Лудивина решила раскрыть все карты:

– Возможно, убийца общался с ней, прежде чем напал на нее. Я не уверена, но такая вероятность существует.

– Он знает Джорджиану?

Следователь с досадой кивнула:

– Может быть. Но не поймите меня неправильно: я не говорю, что это кто-то из табора. Я никого не обвиняю.

В глубине души Лудивина была уверена в этом с того момента, как здесь оказалась: у убийцы была машина, было место, где он мог спокойно насиловать и мучить своих жертв. В тесноте табора такое было просто невозможно, к тому же у его обитателей отчаянно не хватало средств к существованию: нет, никто здесь не мог позволить себе автомобиль, ни у кого не было спокойного места вдали отсюда, где он мог бы мыть в хлорке трупы. Это точно не цыгане.

Заметив, что ее собеседница чем-то озадачена, Лудивина настойчиво спросила:

– Вам что-то пришло в голову?

Цыганка заколебалась. Она кратко взглянула на наблюдавших за ними людей у стола и тихо ответила:

– Мирко.

– Простите, что?

– Поговорите с Мирко.

– Кто это? Мои коллеги из РОСП с ним говорили?

– Нет. Но Мирко с тех пор стал ненормальным.

Лудивина запомнила имя.

– Где я могу найти этого Мирко?

Женщина неуверенно указала ей куда-то в глубь поселения.

Это будет совсем не просто, подумала следователь. Тут пять или шесть десятков домов и раза в два больше жителей, плохо говорящих на французском, совершенно не расположенных к общению с той, кого они считают грязной полицейской ищейкой, явившейся, чтобы мешать им жить обычной жизнью.

– Вы можете мне его найти? – спросила она.

При этих словах один из парней, окруживших бочку с костром, обратился к женщине по-румынски и жестом велел ей идти в дом. Лудивина оказалась как бы между ними, двинулась к парню, довольно крепкому на вид.

Лудивина долгое время занималась единоборствами и знала, что при необходимости сможет дать ему отпор, но надеялась, что до этого не дойдет. К бочке подходило все больше и больше людей: все хотели узнать, в чем дело. «Удар ножом – дело нехитрое и быстрое...»

На ней не было бронежилета, лишь табельный пистолет на боку. Она сделала глубокий вдох:

– Чем быстрее я получу то, что мне нужно, тем быстрее уеду отсюда, – сказала она громко и четко, надеясь, что ее слова услышит как можно больше людей. – Я не сделаю вам ничего дурного, я приехала из-за Джорджианы. Я надеюсь,

что с вашей помощью сумею найти ее убийцу.

– Другие мусора тоже так говорили. Мы ждем уже почти три года! – крикнул какой-то парень.

– Раз я здесь, значит, мы все еще работаем над этим делом. Но мне нужна ваша помощь. Прошу вас, ради Джорджианы, выслушайте меня, поговорите со мной.

На многих лицах осталось все то же недоверчивое выражение, и Лудивина осознала, что даже время не поможет ей внушить им доверие, заставить их ей открыться. В то же время она заметила, что несколько человек от ее слов явно засомневались, дрогнули. Она решила сыграть на этом:

– Возможно, кто-то из вас что-то видел. Возможно, вы обладаете какой-то информацией, совершенно невинной на первый взгляд, но она может нам помочь. Вы хотите, чтобы тот, кто убил Джорджиану, остался безнаказанным? Разве вы не хотите увидеть его в суде, а потом в тюрьме? Поговорите со мной не ради того, чтобы помочь полиции или жандармерии. Сделайте это в память о Джорджиане.

При этих словах один из стоявших поблизости стариков бросил ей:

– Мирко Матеско.

– Вонючий старикан! – тут же ответил ему один из молодых парней.

Какой-то крепкий с виду мужчина резко вытянул руку и, обругав, вlepил ему всей ладонью по затылку. Не нужно было знать румынский, чтобы понять, что речь идет об уваже-

нии к старшим.

– Где мне найти этого Мирко? – спросила Лудивина.

– Он ни при чем, – настойчиво сообщил ей другой парень.

Но старик свистнул в его сторону, призывая замолчать.

– Еще не хватало вмешивать сюда гаджо, – возмутился парень.

Разговор становился все более громким и страстным, несколько человек встали с мест, двинулись друг к другу.

Старик не сводил усталого взгляда с Лудивины. Он наклонил голову и глазами указал ей в конец поселения. Следовательно тут же сорвалась с места, проскользнула между двух хлипких заборчиков, двинулась в заросли кустарника.

Лудивина поняла, что Мирко, скорее всего, тоже подросток: слишком рьяно его защищали представители младшего поколения, вероятнее всего друзья. Поскольку ей нельзя было зайти ни в одну из крошечных хижин, она надеялась, что этот самый Мирко сейчас на улице. Большинство цыган явно жило на улице, и это было вполне объяснимо. У домов кричали и смеялись дети. Женщины болтали, стирая белье в тазах. Плакали младенцы. Воздух наполнялся запахами густо приправленных чем-то острым блюд, к ним время от времени примешивался более резкий запах бензина, горевшего в длинном стальном желобе. Под ногами Лудивины путались коты и собаки, так что она порой едва не падала. Пока она пробиралась по поселению, цыгане бросали на нее удивленные взгляды, что-то говорили ей вслед. Им не так уж часто

встречалась здесь красивая блондинка, с решительным видом осматривавшая все вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.